

Ф Р И Д Р И Х
Незнанский

**МАРШ
ГУБЕЦКОГО**

Новый роман

**СТРАСТИ
ПО-ГУБЕРНАТОРСКИ**

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский
Страсти по-губернаторски

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Страсти по-губернаторски / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
— (Марш Турецкого)

В крупном областном центре депутат, председатель палаты адвокатов, в прошлом следователь, застрелил сержанта – ветерана чеченской кампании, только что вернувшегося из госпиталя. И... вышел сухим из воды – городские власти бросились на защиту убийцы... Родители и друзья убитого, не найдя правды в собственном городе, едут в Москву. Адвокат Юрий Гордеев берется за это дело и... проигрывает. Но неожиданно справедливость торжествует: преступник-депутат и продажные судьи гибнут от рук неизвестных мстителей. За расследование этого запутанного дела берется следственная бригада Генеральной прокуратуры, возглавляемая Александром Турецким...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Часть I	5
Глава первая	5
Глава вторая	23
Глава третья	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Часть I

Глава первая Стрельба по движущейся мишени

1

Ничто не предвещало беды в этот теплый весенний вечер.

Паша Соловьев, работавший автомехаником на сервисе, позвонил Левке Рогову в отдел охраны офиса «Стройимпорта», где тот служил, и сказал, что ему только что звонила Оля Самарина, которая считалась невестой их общего друга Архипа Кураева, и «оглушила» новостью: Архип вернулся!

Событие действительно было радостным. Архип, как и его друзья, через год после окончания школы, вопреки громким уверениям чиновников военного министерства, «загребел» не в обычную воинскую часть, а прямо в Чечню, но уже к исходу второй войны. Возможно, считалось, что для новобранцев это теперь не так опасно, ведь по всей же России крик стоял – не пустим своих необученных детей на чеченскую бойню! И тем не менее. А друзьям повезло, они служили – один на Севере, другой на Дальнем Востоке. Архип, будучи парнем крепким и физически хорошо подготовленным, попал в «десантуру», где был дважды ранен и дважды же успел здорово отличиться – спас командира. Словом, после госпиталя в Ростове-на-Дону, где Архип провалялся больше полугода, он наконец поднялся на ноги, привинтил к своей поношенной «камуфляжке» пару боевых орденов и отбыл на родину, в Новоград.

Пока он воевал, Оля училась, а затем, за неимением хорошей, денежной работы, устроилась официанткой в один из лучших ресторанов города – «Звездный». Значит, если в их намерениях ничего не изменилось, свадьба на носу! Вот, собственно, на это и намекал Паша другу Лева, предлагая после работы навестить потенциального жениха, поговорить «за жизнь», отметить правительственные награды, а заодно и разведать его ближайшие планы.

Друзья встретились в начале восьмого вечера – каждый ведь еще домой заскакивал, чтобы переодеться – событие все-таки.

Ну о встрече чего рассказывать? Традиционно. Родители Архиповы – Варвара Сергеевна и Борис Анатольевич – сияли. Еще бы, долгожданный сын вернулся. Да еще как выглядит. Смотреть – не насмотреться...

А где-то уже в десятом часу вечера друзья вышли покурить на свежий воздух.

Дом, в котором проживали Кураевы, был старый, из тех панельных девятиэтажек, которые появились чуть позже пятиэтажных хрущоб, казавшихся в пятидесятых годах прошлого века верхом совершенства. Но планировка квартир с крохотными кухоньками была та же самая, хоть и этажность повышенная, как тогда говорили. Одним словом, когда трое взрослых парней собираются в двухкомнатной квартирке разом закурить, ожидай газовой атаки. Да к тому же и стал поскуливать, просясь на улицу, старина Альф – любимый колли Архипа, который тоже соскучился, видать, по хозяину и был бы не прочь пройти с ним по улице. В общем, одно к одному.

Парни решили прервать застолье и спуститься в маленький дворовый скверик между этим и соседним домом. Борис Анатольевич выглянул с балкона, сказал, что внизу уже пусто, да и вечерело быстро, но предложил вести себя осторожнее, в соседнем доме один хозяин злого пса держит, который бросается не только на встречных собак, но и на людей. А тот хозяин –

он, говорят, большой человек, из бывших прокурорских работников – и сам, как его кобель, с ним лучше не связываться.

– Ну это мы еще посмотрим, – беспечно отозвался Архип, поднимаясь и надевая на Альфа ошейник, и посмотрел на своих рослых и крепких, как он сам, друзей.

Альф оживился. Кстати, у Альфа раньше было нормальное европейское имя Ральф. Но когда по телевидению стали показывать многомесячный сериал про странное, чудное существо из иного мира, оказалось, что тот Альф и этот Ральф очень похожи друг на друга своими смешными мордашками, разве что последний не мог изъясняться человеческим языком. Потом сериал закончился, и через некоторое время Ральф превратился в Альфа, против чего, естественно, он не возражал.

Итак, друзья спустились с собакой во дворик, а Оля осталась в квартире, привычно помогая Варваре Сергеевне убирать со стола и готовиться к чаю. И занималась она этим спокойно, чувствуя, что вот и у нее наконец, кажется, начинается долгожданная новая жизнь. Мысли о счастье переполняли ее, и она едва не жонглировала чашками, расставляя их по блюдецкам на праздничной белой скатерти.

Но это радужное, приподнятое настроение держалось недолго, до той минуты, когда гулко прогремел выстрел.

И Оля, и родители Архипа ринулись на балкон, и тут же раздался истошный, разрывающий душу крик Оли. Внизу было трудно что-то рассмотреть, но оттуда тоже принесли крики. И она, ничего еще, видно, не понимая, но сердцем чувствуя беду, с воплем кинулась к выходу...

Молодые люди спустились во двор и сели на лавочке, закурили. Архип с Альфом сделал небольшой круг по двору, главным образом вдоль густых кустов около чугунной оградки, и присоединились к товарищам. Закурили, Паша стал расспрашивать друга о его грядущих планах, когда заметили, что Альф как-то сердито вздыбил шерсть на загривке и глухо зарычал. Архип, не обращая внимания, чисто машинальным движением погладил собаку и продолжил разговор, но поводка не отпустил. И тут же услышал грозный крик, умноженный эхом от стен домов:

– Эй, вы там! Убирайтесь отсюда к чертовой матери! Считаю до трех!

Голос прозвучал настолько нагло и возмутительно, что друзья в первый момент просто опешили. Но крик повторился:

– Считаю! Раз!

– Эй, слушайте там! – закричал, поднимаясь, Архип. – Вы кто такой, чтобы здесь, во дворе, командовать? Кто вам дал такое право? Двор – не для вас, а для всех! И если вы этого не хотите понимать, мы вас заставим!

Альф между тем рвался с поводка, но Архип держал его крепко, намотав кожаный ремешок на руку. А через мгновение он уже пожалел об этом. Потому что увидел, как к ним длинными прыжками приближается нечто длинное и черное. Это чуть позже он понял свою ошибку – надо было предоставить Альфу хотя бы свободу действий, а так колли стал невольной жертвой этого чудовища, кровожадного бультерьера, не исключено, даже и натасканного для подобного рода схваток.

Словом, не успел Архип опомниться, как черный бультерьер словно стрелой вонзился в Альфа, и бедный колли ничего не смог, не успел ему противопоставить. Чужой пес мертвой хваткой держал Альфа за шею, но последнего еще, видно, спасала густая шерсть, и нападающий не мог прокусить горла.

Лева кинулся у бультерьеру. Бесстрашно ухватил его за задние лапы и попытался рывками оттащить от Альфа, бьющегося на земле, но злобный пес лишь глухо рычал, а шею не отпускал.

Паша увидел камень возле ножки скамейки, схватил его и ударил пса по лбу, тот лишь взвизгнул, но жертву не отпускал. Продолжая бить бультерьера, он пытался разжать его челюсти, но бесполезно.

И тогда Архип скинул наконец поводок с руки и пошел навстречу хозяину бультерьера, неторопливо приближавшемуся к месту схватки.

– Забери свою собаку, иначе я ее сам задушу! – закричал Архип.

Посторонним каким-то зрением он увидел, как тот медленно снял с плеча ружье – отметил: помповое, не наше – и навел на него.

– Я предупреждал: на счет три стреляю! – неожиданно спокойно сказал он. – Два!

– Ты меня пугаешь, гнида? – закричал, теряя самообладание, Архип. – Меня?! В меня духи стреляли – не убили! А ты, гад!..

И в этот момент раздался выстрел.

И сразу все будто стихло вокруг. А потом возник негромкий голос:

– Дик! Ко мне!

И черная собака, немедленно отпустив свою полузадушенную жертву, молча засеменила к хозяину. Тот так же невозмутимо взял Дика на поводок и, закинув ружье за спину, спокойно удалился.

Только тогда друзья, будто опомнившись, кинулись к лежащему навзничь Архипу. Вся грудь его была в крови. Но особенно страшно почему-то выглядели залитые темной кровью ордена. Паша припал ухом к его губам. Было страшно тихо. Архип, как Паша ни прислушивался, не дышал.

– Убил, сволочь! – завопил Павел.

А Лева ринулся вдогонку за ушедшим, но того уже нигде не было. Ни его самого, ни пса-урода.

И вот тут уже из подъезда дома, в который только сегодня возвратился Архип Кураев, стали выбегать люди...

2

Известие о том, что во дворе между первым и вторым корпусами дома номер четырнадцать на Парковой улице, произошло убийство, поступило в милицию без пяти минут десять. Позвонили сразу несколько человек, которые назвали себя свидетелями этого убийства.

Дежурный по городу подполковник милиции Федор Васильевич Свиридов тут же распорядился, чтобы дежурившая в ОВД Центрального района города, так называемого Заводского, следственно-оперативная группа выехала на место происшествия.

Следователь районной прокуратуры, юрист третьего класса Михаил Юрьевич Зотов, получив указание, отставил в сторону стакан недопитого чая и приказал своей группе, склонившейся над шахматной доской:

– Кончай базар. Поехали на труп. – Он хотел казаться старше своих двадцати девяти лет и, естественно, солиднее – рядом с действительно уже опытными членами его дежурной бригады.

А тем временем начальника ГУВД генерал-майора милиции Полтавина оторвал от ужина раздавшийся в кабинете телефонный звонок.

– Гриша, тебя Роберт срочно просит подойти! – крикнула в столовую, где в семейном кругу ужинал Григорий Петрович, Анастасия Павловна, супруга генерала. – Что ему сказать? Пусть перезвонит позже? Или у вас что-то срочное? Только, ради бога, если тебе уже надо куда-то бежать, поужинай сначала, а то мне надоело готовить зря!

– А чего он хочет, не сказал? – раздраженно крикнул Полтавин жене. – Что за срочность такая?

– Не знаю, но голос взволнованный.

– Скажи, я сейчас подойду.

Телефонный разговор состоялся в домашнем кабинете генерала. Положено иметь в квартире кабинет хозяина, вот он и имел его, хотя нужды в нем никакой не было. Разве что сам иногда спал на диване, демонстрируя домашним свою вечную занятость. И вообще генералу не нравилась его пятикомнатная квартира в бывшем обкомовском доме, как когда-то его называли. В пригороде подходило к концу строительство особняка, куда он и собирался вскоре переехать, а пока приходилось терпеть неудобства от тесноты. В семье была еще дочь, которой он, после окончания ею юридического института, и собирался оставить эту квартиру в связи с тем, что та намеревалась ближе к осени выйти замуж. Была еще и старая теща, которая, впрочем, забот не доставляла, но... все же порой капризничала, а потому занимала отдельную комнату. Ну и домработница, правда приходящая. Так что много народу получалось, тесно...

Григорий Петрович взял со стола трубку, пробурчал недовольным тоном:

– Привет, ну что у тебя за срочность?

– Ты, я понял, Гриша, ужинал, да?

– Ну.

– Извини, что оторвал. Но у меня форс-мажор. Случайное убийство.

– Что, опять?!

– Да ничего не опять! Я ж говорю – с моей стороны чистая случайность! Гриша, ты мне-то, надеюсь, веришь?

– Как было дело? И кто пострадавший?

– В том-то и дело, что сам понятия не имею. Вышел я, ну, двадцать минут назад в скверик наш, возле дома, собачку свою, Дика, выгулять. А тут на меня прямо какой-то волкодав несет. И мат, и угрозы! Убирайся, мол, а не то мы тебя... Ну я ружьецо и сорвал с плеча...

– Так ты с ружьем, что ли, выгуливать собаку отправился? А зачем? Или кого-то боишься?

– Так угрозы получаю. Я разве не говорил? Были телефонные звонки. Нас, адвокатов, всегда есть за что ненавидеть. Но это – мелочи. Короче, сорвал я ружье и кричу: «Уберите своего пса, иначе стрелять буду!» А в ответ – новые угрозы. И смотрю, на меня верзила движется. Ну палец и дрогнул. Я думаю, можно квалифицировать по сто восьмой статье как превышение пределов необходимой обороны...

– Смотри-ка, – саркастически хмыкнул генерал, – уже и статью сам себе подобрал! Так кто пострадавший-то?

– А почему я знаю? Я убежал с места происшествия. Там их несколько человек было, да и темно уже, не разберешь.

– Так от меня ты чего хочешь?

– От тебя? А ты не понимаешь? Сейчас же приедет какая-нибудь бригада, начнется выяснение. У меня свидетелей нет, естественно, один Дик, да и тот – собака, а с их стороны – сколько хочешь. Вот и начнут колбасить... Ты кого-нибудь из своих подослал бы, я тебе как на духу, ей-богу. Не Леше ведь звонить по такому поводу, сам понимаешь...

– Понимаю... – протянул Полтавин.

Говоря про Лешу, Васильчиков имел в виду губернатора Новоградской области Алексея Петровича Рыжакова. Роберта связывали с губернатором какие-то старинные отношения, то ли один помог другому, то ли еще что-то, но губернатор снисходительно относился к «шалостям» нынешнего председателя областной палаты адвокатов и, когда с ним, с Робертом, случались проколы, помогал, вытаскивал из скверных ситуаций.

Вспомнил Полтавин, что за плечами у этого бывшего заместителя областного прокурора, перешедшего, точнее говоря, вынужденного в недавнем прошлом перейти в адвокатуру, уже три убийства. Это было уже четвертое. И все ему по странным обстоятельствам как-то схо-

дило с рук. Совсем обнаглел мужик. Но и спорить с губернатором, обострять из-за пустяка, в сущности, отношения с первым лицом в губернии Полтавину тоже не хотелось. А тот, естественно, будет настаивать на невиновности своего старого приятеля. Да и, судя по рассказу, оно вроде бы дело совсем простое. Вот свидетели – да, это серьезный вопрос. Но уж Ванька-то Самохвалов, председатель Заводского районного суда, тоже давний приятель губернатора и того же Роберта Васильчикова, наверняка отыщет нужного ему свидетеля. У этих ребят из губернаторского окружения в городе все схвачено.

Без особой неприязни подумал об этом Полтавин, а как об объективном факте, выступать против которого умному человеку было бы просто глупо. Григорий Петрович был назначен сюда относительно недавно, всего лишь год с небольшим назад, но, увидев и оценив расклад руководящих сил в губернии, понял, что плыть против течения здесь захочет разве что потенциальный самоубийца. И принял факт за данность.

– Ладно, не мельтеши, подошлю кого-нибудь из наших ребят. Дам команду. Но и ты смири свой нрав. Четыре трупа – это уже перебор.

– Ну ты, ей-богу, Гриша, нашел о чем напоминать! Ну была судебная ошибка... А так – несчастный случай на охоте... Опять же с мальчишкой тем давно уже грех свой замолил, зачем вспоминать? Вроде я рецидивист какой! Скажешь тоже. Эту тему мы вообще не будем трогать. А что разговоры, так на то они и разговоры – болтовня одна пустая. И их надо пресекать! Так подошлешь? Или мне Лешу все-таки попросить о помощи?

– Сейчас распоряжусь, – недовольным тоном ответил генерал и поморщился – получалось так, что этот адвокат-прохиндей еще вроде бы и отчитал его за что-то. Ишь ты, не нравится ему, когда о прошлых пакостях напоминают! Грехи он свои замаливает, видите ли. Врет, сукин сын. Еще и на губернатора ссылается...

Но делать было нечего, и генерал, положив трубку, снова поднял ее и набрал ноль два.

– Полтавин говорит. Дежурного! Кто? Свиридов, ты? Там происшествие, мне доложили...

– Вы об убийстве на Парковой, Григорий Петрович, да?

– О нем самом... Уже слышал? Ты там распорядись, чтоб кто-то из наших подъехал. Для пущей, так сказать, объективности. Стрелял-то Васильчиков, полагаю, знаешь его?

– Так это, значит, Васильчиков?! – с удивлением протянул Свиридов. – А кто ж его у нас не знает? Опять, значит?

– Что значит – опять?! – рассердился генерал.

Получалось так, что действительно весь город знал, а он одними слухами питался, хотя вон уже сколько времени тут прошло.

– Если вы не в курсе, Григорий Петрович, я могу вам рассказать, что называется, из первоисточника.

– У тебя других дел нет?! – рявкнул генерал, но тут же смягчил свой гнев, сообразив, что он в данный момент неуместен.

– Извините, товарищ генерал, но я уже приказал выслать оперативно-следственную бригаду из района. Они там занимаются... А откуда известно, что стрелял именно Васильчиков?

– Он мне сам только что позвонил, объяснил ситуацию.

– А-а, тогда ясно, извините.

– Это ты к чему? Чего тебе ясно?

– Ну адвокат же... эти объяснять умеют.

– А ты, если не веришь ему, пошли грамотного опера, чтоб разобрался досконально, а не морочь мне тут голову своими... первоисточниками. Ты отряди Плата, что ли, скажи, я лично приказал ему разобраться и доложить.

– Слушаюсь. Сейчас перезвоню Артему Захаровичу.

– Ну то-то, – сердито выдохнул генерал, но прежде положил все-таки трубку на место.

– Что там случилось, Гриша? – озабоченно спросила жена, когда Полтавин вернулся к столу.

– Черт их всех... Только что наш председатель адвокатской палаты человека застрелил. Говорит, обороняясь.

– Господи! – Супруга прижала ладони к щекам. – Да как же это? За что?

– Говорит, угрожали. – Генерал пожал плечами. – Собачку свою выгуливал, а на него какого-то волкодава якобы спустили. Ну вот он и...

А дочь Ира, уже закончившая ужин и просто сидевшая за общим столом в ожидании, когда вернется отец, беспечным тоном заметила:

– Вот он их – бабах! бабах! – и ружье, как тот рояль в кустах, к месту пришлось, да?

– Я не знаю обстоятельств дела, – продолжая хмуриться, сказал генерал, – но твой цинизм, дочь, мне не нравится.

– При чем здесь цинизм? Весь город его истории знает. Нам даже на лекциях пример из его деятельности приводили как факт превышения власти.

– Да? И какой же?

– А это, папа, был три года назад случай. Васильчиков был тогда заместителем областного прокурора и поддерживал обвинение против маньяка, насилующего по чердакам несовершеннолетних девочек, а потом убивавшего их. Ну нашли они там кого-то похожего на того, кого описала одна из жертв, по случайности оставшаяся в живых. Не успел он ее задушить, спугнуло что-то...

– Господи, ты так говоришь! – воскликнула мать, снова сжав ладонями виски.

– А что здесь такого? – удивилась Ира. – Это – жизнь, мама.

– Не перебивай, пожалуйста. – Григорий Петрович поморщился. – Рассказывает же человек. Имей... это... понимание... Ну и?

– Взяли похожего. Тот – в глухую несознанку. А у нас, ты же знаешь, если надо, такое сотворят, что ты маму родную черту заложишь!

– Доча, ну как ты можешь! – воскликнула мать, но на нее не обратили внимания.

– Одним словом, Васильчиков, он тогда уже был старшим советником юстиции, так «поработал» с тем пареньком, что тот счел за благо сознаться и принять на себя еще десяток убийств с изнасилованиями. Оформили «признание» как «чистосердечное» и уже развили по всем инстанциям, что маньяк, за которым наши славные органы безуспешно охотились около трех лет, схвачен и во всем сознался. А наш так называемый «маньяк» той же ночью повесился в камере. Или, может, ему помогли.

– Но признание-то было? – заметил генерал.

– Какое, папа? – Ира с насмешкой поглядела на отца. – На следующий же день было совершено новое изнасилование и убийство несовершеннолетней девочки. Но тут гаду не повезло. Его заметили и не дали уйти. Милиция едва сумела спасти того мужика от толпы, которая рвалась, чтобы растерзать его. Вот тут и всплыло дело с «допросом» того паренька. Он еще, говорят, и туберкулезом болен был – какой там маньяк!

– Не скажи, – покачал головой Полтавин, – туберкулезные, чтоб ты знала, они на все способны, у них повышенная потенция. Так что, может быть, не так уж и неправ был Васильчиков, когда подозревал его.

– Прав он или неправ, но на допросах, как показал потом конвоир, твой Васильчиков жестоко избивал парня. И это всплыло. Вот тогда он, под давлением, как говорят, общественности, и был уволен из прокуратуры по двести восемьдесят шестой статье. Но не пропал, как видишь. Бросился защищать тех, за кем все предыдущие годы гонялся. Считается в городе и области лучшим адвокатом по работе с братвой. Крупный специалист. Среди уголовников почему-то носит кличку Генерал. Вот видишь, сколько о нем известно, а ты говоришь!

– Ты забываешь, – недовольно ответил Полтавин, – что Роберт Олегович не просто адвокат, а, во-первых, председатель палаты и, во-вторых, депутат и заместитель председателя губернского Законодательного собрания. И его народ выбрал.

– Зачем ты мне это говоришь?

– А затем, дочь, чтоб ты в кругу своих подружек не трепала лишний раз языком. Если не хочешь неприятностей ни себе, ни мне. Пожалуйста, запомни эту мою просьбу.

– Ты разве его боишься, папа? – удивилась дочь.

А мать с тревогой смотрела на нее – больше всего она сейчас не хотела семейного скандала, который мог вспыхнуть в любую секунду, такие уж характеры у папаши с дочерью – вспыльчивые. Но обошлось.

– Я не боюсь, – сказал Полтавин, – ни его самого, ни его друзей. Но мы все живем в обществе. Мы – руководители, и ссориться нам нельзя. Иначе будет бардак, пожар, который уже не погасить никакими испытанными методами и мерами.

– Даже если человек подлец? – не отставала Ира.

– А вот это надо еще доказать, – сухо ответил генерал и поднялся. – Меньше обсуждай слухи и не разноси... сплетни. У тебя серьезные события на носу – диплом... прочее... Думай лучше об этом.

3

– А сержантик-то был героическим пареньком, – с сожалением сказал Илья Ильич Богодухов, пожилой судебно-медицинский эксперт, которого за глаза звали Стариком. – Красная Звезда, орден Мужества – не в бирюльки играл.

– Чем же это он его? – наклоняясь над трупом и подсвечивая фонарем, спросил его ровесник, эксперт-криминалист Лапин. И сам себе ответил: – Похоже, картечью.

А Богодухов лишь печально кивнул и вынул из кармана мобильный телефон, чтобы вызвать труповозку и доставить тело в морг городской больницы для вскрытия. Ему здесь, по существу, делать больше было нечего.

Руководитель следственно-оперативной бригады Михаил Юрьевич Зотов, чем-то отдаленно напоминавший своего великого тезку-поэта, может, именно молодостью и серьезным отношением к делу, приглашал в микроавтобус свидетелей происшествия и при свете тусклой лампочки проводил допросы и писал протоколы.

Тем же фактически занимался и Женя Прибытков, молодой оперуполномоченный. Он уже обошел квартиры, записал фамилии свидетелей и вызывал их по одному к следователю, помогая ему. О самом «стрелке» речь пока не шла. Они договорились отправиться к нему позже. Васильчиков, они уже выяснили фамилию убийцы, был им достаточно известен как скандальный, крикливый, но обладающий серьезными связями адвокат. Но главное, он был депутатом, без участия которого не проходил в Законодательном собрании ни один скандал. Поэтому вытаскивать его сюда, во двор, где в оцеплении полосатых лент еще лежал труп, а вокруг толпились жильцы дома, в котором проживал только что вернувшийся из госпиталя парень-орденоносец, было бы крайней неосторожностью. Несмотря ни на какие оправдания и ни на какие «неприкосновенности», депутата запросто могли бы в лучшем случае покалечить возмущенные соседи. Ну а в худшем – просто растерзать, так как общее возмущение достигло предела. Да тот и сам бы не решился явиться сюда. Разве что теперь уже с пулеметом, как, криво усмехаясь, заметил опер Женя Прибытков. Наверняка тот из своих окон видел и по людскому мельтешению, вою милицейской сирены и огням мигалок понимал, что здесь уже работает оперативно-следственная бригада. И, как непосредственный участник происшествия, должен был бы сам выйти к следователю. А он между тем затаился, как мышь под веником. Значит, не все тут так, как ему хотелось бы.

Впрочем, чего хотелось бы Васильчикову, никто из бригады не интересовался, дойдет и до него очередь.

Тут, вообще говоря, имелась еще одна тактическая сложность. Опять же все о том, что он – депутат, зампред Законодательного собрания. У них же статус свой, откажется говорить – и никакими средствами его не заставишь, да и делать этого нельзя. Но совершено убийство! Совершено депутатом, будь он проклят, а значит, он все равно должен за это отвечать. А уж суд пусть решает, что с ним делать. Убийце иммунитет не поможет. Преступление-то особо опасное. И то, что имелась угроза его жизни, тоже пока никак не подтверждалось. Напротив, это именно он представлял собой опасность для общества – вот такая вырисовывалась постановка вопроса.

– Доктор! – услышал Богодухов плачущий женский голос. – Помогите, пожалуйста!

– Где? Что еще? Кому нужна помощь? – Богодухов увидел перед собой молоденькую девушку. – Это вам плохо?

– Нет, – замотала та из стороны в сторону коротко стриженной головой. – Арькиной маме плохо. Она в тридцатой квартире. Это на седьмом этаже, и лифт работает, пожалуйста, доктор!

– Простите, а кто она? И какое отношение имеет к делу? – Богодухов нахмурился – врачей надо вызывать!

– Это мама убитого... погибшего. Его Архипом звали, а мы – Ариком...

– А, это другое дело. Семен, слышишь? – обратился он к эксперту-криминалисту. – Как приедут, пусть в городскую везут. Я с утра займусь.

И, закрыв свой чемоданчик, в котором тоже здесь, возле трупa, никакой нужды не было, он пошел за девушкой к подъезду.

– Михал Юрьевичу – пламенный! – услышал Зотов добродушное приветствие и поморщился – такой тон был сейчас более чем неуместным.

Следователь поднял голову и увидел Артема Захаровича Плата – высокого тридцатипятилетнего брюнета в простенькой курточке и непременной кепке, напоминающего одного из популярных актеров из телевизионных сериалов про всякие подвиги в борьбе с террористами.

– Привет, Женья. – Плат широкой ладонью похлопал по плечу, точнее, по погону старшего лейтенанта милиции Прибыткова. – Как дела? Когда меня догонишь?

Сам Плат был все еще капитаном милиции, старшим оперуполномоченным, и тому были свои причины.

– Догонишь тут, – пробурчал Прибытков. – Привет. Вот сидим... А ты чего приехал?

– Сам, – Плат поднял указательный палец, – прислал.

– За нами следить? – не отставал Женья.

– Ну а за кем же, – добродушно отозвался Плат.

– Артем Захарович, – сухим тоном заговорил Зотов, – если вы с официальной миссией, то можете ознакомиться, а если нет, то...

– ...прошу не мешать? – с улыбкой закончил за него Плат. – Можно сказать, с официальной. Но исключительно в плане рекомендаций, не больше. Разрешите ознакомиться? – Он кивнул на листы протоколов.

Михаил Юрьевич подвинул Плату исписанные страницы показаний свидетелей, а тот, чуть слышно хмыкнув, взял их и, присев на боковое сиденье, стал внимательно и быстро просматривать. Видимо, вопросов по ходу чтения у него не возникало, и он только кивал и откладывал прочитанные листы в сторону.

– С самим-то еще не беседовали? – спросил, ни к кому не обращаясь конкретно.

– Пока нет, – ответил Зотов, поняв, о ком речь.

– Молодцы, вместе сходим. – И Плат продолжил чтение.

Были опрошены двенадцать человек. Двое из свидетелей показали, что Архип Кураев действительно якобы угрожал своему убийце, называя его гнидой, но никаких собак на него не

спускал, а все произошло с точностью до наоборот. А что кричал он, то есть покойный теперь Архип, то его можно понять. Когда видишь, как на твою вполне смирную собаку набрасывается злобный бультерьер и начинает ее душить, еще не так озвереешь. А своего пса Васильчиков здесь выгуливает постоянно, запрещая при этом появляться в скверике, где оборудована детская площадка, не только всем другим «собачникам», но и вообще детишкам, это во дворе многим давно известно. Да родители и сами не выпускают детей, боятся. Рассказы-то о том, что депутат может сотворить все, что хочет, и ничего ему за это не будет, слышали многие. А вот только Архип не знал этого. Сам он ни на кого не нападал, но что кричал и ругался, это слышали с балкона. И подтверждали этот факт только двое, а все остальные вообще отрицали какие-либо угрозы со стороны Архипа.

Двое друзей и девушка покойного подтвердили тот факт, что за столом, организованным в честь возвращения из госпиталя героя-сына, собравшиеся действительно пили спиртное, но немного. Сам Архип почти не притрагивался к водке, просто чокался для компании. Он вообще еще неважно себя чувствовал после последнего тяжелого ранения. За тот бой, когда Архип спас командира, его отметили правительственной наградой.

На это заявление Зотов заметил, что судебно-медицинская экспертиза покажет, тогда и можно будет сделать окончательные выводы. А реакция Архипа на происходящее была ему тоже понятна. Но теперь требовалось прибавить ко всем этим показаниям еще и показания самого Роберта Васильчикова. Если он еще соизволит их дать. Однако это уже станет ясно по обстановке...

А обстановка подсказывала, что Васильчиков обязательно оправдается, раз уж тут появился Артем Захарович, присланный лично генералом Полтавиным. Убийца, похоже, уже всех своих дружков обзвонил. Почему-то Зотов, еще не видя Васильчикова, уже испытывал к нему неприязнь и раздражение, хотя и понимал, что так поступать нельзя. А впрочем, возможно, его раздражало больше присутствие Плата, надсмотрщика, так сказать. Его спокойный и добродушный тон, вообще его простецкая манера разговаривать, его неуместные шутки очень мешали работать.

Поскольку время шло к полуночи, а еще оставалось два или три косвенных свидетеля, которые сами не видели, но, естественно, знали, как было дело, и допрашивать которых – одно мучение, но тем не менее надо, Зотов предложил заняться ими Жене Прибыткову. А сам решил отправиться к Васильчикову, о чем и сказал Плату. Тот согласно кивнул и тоже поднялся.

Пока шли к соседнему дому, Артем Захарович негромко спросил Михаила Юрьевича, знаком ли он с Робертом. Немного покорило, что Плат называет того просто по имени – тоже хороший знакомый, что ли? Поэтому и прислал его Полтавин? Но Артем Захарович сам же и развеял неприятные мысли Зотова.

– Я, было дело, в позапрошлом году уже занимался его делом. Это о Басове, ты разве не в курсе?

– Нет, – неприязненно ответил Зотов, обидевшись на это нарочитое «ты». – А вы, – подчеркнул он, – считаете данные свидетельства оговором?

– Про оговоры у нас с тобой речи не было. А вообще, слушай, Миш, я предпочитаю, чтобы между своими меня называли Артемом и на «ты». Не возражаешь? Не в официальной, конечно, обстановке.

Сказано было просто и без всяких задних мыслей – это чувствовалось. И Зотов с некоторым облегчением вздохнул, ибо до сих пор чувствовал он какую-то излишнюю напряженность.

– Не возражаю.

– Вот и славно... А дело было, если действительно не слышал, такое. Процветал тут у нас один предприниматель, Басов Алексей Иванович. По моим данным он в свое время активно продвигал Роберта, ставшего тогда уже председателем адвокатской областной палаты, в депутаты. Спонсировал, как говорится. Но когда Роберт оказался уже в депутатском корпусе, что-то

между ними произошло. Нарушилось. То ли Басов потребовал некоей оплаты своих спонсорских услуг, то ли еще что-то, я не знаю, вопрос, сам понимаешь, трудный, никто тебе на него не ответит, произошла, как говорили, нелепая случайность. Они отправились зимой на охоту – на лося ходили большой компанией. Ну, говорят, стояли на номерах, ждали зверя, сумеречно уже было, а когда тот наконец показался, Басов якобы сошел со своего номера и ринулся наперерез ему. Роберт же не успел сообразить и вмазал в метнувшегося друга картечью. Один к одному, как и в твоём «боевике». Такова была официальная версия, принятая судом. Но на самом деле никто никуда не ходил и не бегал, я лично там был по горячим следам, эти самые следы изучал, хотя их изрядно затоптали друзья-охотнички. А произошло самое настоящее убийство. И я постарался представить следствию все факты к тому. Однако их отвергли в суде, точнее, на них просто не обратили внимания. А мне потом начальство сделало замечание, так, пожурило. Ты теперь понимаешь?

– А что я должен, по-твоему, понять? То, что Васильчиков – хладнокровный убийца, который ничего и никого не боится? Так об этом всему городу известно. И что толку, что люди об этом знают? Он же у нас депутат! Фигура неприкосновенная.

– Если ты с этой мыслью идешь к нему сейчас, то я тебе советую изменить свои планы и вызвать его повесткой для дачи свидетельских показаний завтра утром к себе в кабинет. Эффект будет одинаковый. Он тебе столько всего нагородит, что только слушай! И никуда ты от его рассказов не денешься – будешь слушать. И, что гораздо обиднее, перед начальством потом выдавать за свои собственные выводы. Вот так, дружище.

– И что ты предлагаешь? – Зотов остановился и посмотрел на Плату в упор.

Тот усмехнулся:

– Если не боишься лишних шишек, давай внимательно его выслушаем, не перебивая, затем зададим парочку каверзных вопросов, а потом ты, как властное лицо, примешь решение, вызовешь конвой и отправишь голубя в КПЗ. Пусть хотя бы ночь до утра посидит, репу почешет. Это все-таки убийство, а никаких смягчающих обстоятельств я, как ни пытался, в показаниях свидетелей и участников конфликта не нашел, нет.

– Так он же еще и депутат!

– Ну и что? А ты – руководитель оперативно-следственной бригады, официальный представитель закона. Не нравится – пусть строчит жалобы. Пока напишет, пока они дойдут. Телефон у него надо отобрать, связи с миром лишить. Тебя разве не учили? Нет, утром-то шум начнется, жалобщики побегут... А у тебя – веские аргументы. Пока опровергнут...

– И это ты мне даешь такой совет?

– Именно я. Потому что и мне эта гнида – правильно обозвал его покойник, жалко парня! – очень не нравится. Но я властью не облечен, могу только советы давать. А вот принимать их или нет, это уже твое, брат, дело. Смотри сам, но я на твоём месте все-таки припугнул бы Генерала.

– А кто генерал, он, что ли?

– Нет, это кличку ему такую дали уголовники. Он же с некоторых пор с самим Журой дружбу водит.

– Это ты Журавлева имеешь в виду? – удивился Зотов. – Местного «смотрящего»?

– Его, болезного. Генерал у него, по моим данным, в личных адвокатах числится. Тоже имей в виду на будущее, мало ли...

– Ничего себе... – пробормотал Зотов и почувствовал какой-то неприятный холодок, пробежавший по спине – под форменной рубашкой и кителем.

Васильчиков, напротив, был совершенно спокоен, даже равнодушен ко всему происходящему. Впустив Зотова и Плат в прихожую своей обширной квартиры, еще пахнувшей свежим евроремонтом, он посмотрел на собаку и тихим голосом приказал:

– Свои, Дик, лежать.

Пес послушно закрыл пасть и улегся на своем коврик в углу прихожей.

– Видите, какая спокойная и смирная собачка? – уже с любопытством посмотрев на пришедших, сказал Васильчиков. – А про нее рассказывают какие-то страшные сказки. Все – враки! Это нашего брата, состоявшегося гражданина свободного общества, обыватель не любит.

– Да брось, Роберт Олегович, это как раз свободное общество от вас, новых господ, стонет, не путай. Ну пойдем. Присядем, а ты Расскажи-ка нам о том, что произошло, и постарайся убедить в своей невинности.

– Да ты что, Артем Захарович, никак обвинять меня явился? – делано удивился Васильчиков.

– А ты хотел, чтоб тебя похвалили? Это у тебя какой труп-то на счету? Четвертый?

– Так, я категорически протестую против такой постановки вопроса! Если вам угодно снять с меня показания, извольте официально вызвать повесткой, а я еще решу у себя, в Законодательном собрании, стоит ли мне отвечать на ваши вопросы.

– Эва! – совсем уже взял на себя инициативу такого неожиданного разговора Плат. – Да ты уж не спятил ли, Роберт Олегович? Разве у тебя есть уже свое собрание?

– Я оговорился...

– Плохая оговорка, она не понравится твоим коллегам, я в этом просто уверен. Не забывай, что ты совершил убийство. При каких обстоятельствах, это нам предстоит разобраться. Даже если в порядке самообороны, это все равно убийство. Но только пока у нас со следователем, – Плат кивнул на Зотова, – твоя «самооборона» в кавычках, никак, Роберт Олегович, не получается. Не проходит. Это ты еще ему, молодому, можешь впаривать, а я-то тебя хорошо знаю. Так что валяй, доказывай, как это ты умеешь. Все факты пока говорят против тебя. У тебя свидетелей нет, а со стороны убитого тобой – весь дом. И, заметь, не просто люди, а общественность! – Плат поднял со значением указательный палец. – Они – твои избиратели, между прочим. Поэтому не теряй времени, поздноато уже для долгих препираний.

– Ты прав, Артем Захарович, действительно поздно. И я мог бы выставить вас вон из квартиры, но этого не сделаю. Извольте, проходите в комнаты, присаживайтесь и задавайте ваши вопросы. Как вас кличут, молодой человек? – Он посмотрел на Зотова. – Извините, я не расслышал.

– Фамилия моя – Зотов, – мрачно глядя на Васильчикова, сказал Михаил Юрьевич. – Можете так и обращаться – господин, товарищ, как вам угодно. А кличек я, в отличие от вас, не имею.

Уже собиравшийся саркастически ухмыльнуться, Васильчиков немного смешался, но, как бы для себя самого, заметил:

– Хм, остряки...

И когда все расселись вокруг стола в большой комнате, увешанной коллекционными ружьями и картинами с охотничьими сюжетами – видно, все это было главной страстью хозяина, – Васильчиков заговорил:

– Я хочу изложить вам, господа, – он снова хмыкнул, – свою, и единственно верную, версию происшедшего сегодня события. А дальше вы можете поступать по своему усмотрению. Но предупреждаю заранее, что я никаких инсинуаций с вашей стороны не потерплю и буду немедленно жаловаться как вашему непосредственному начальству, так и повыше. Ты, Артем Захарович, знаешь мои возможности.

– Не пугай, рассказывай лучше, – посоветовал Плат.

– А я и не пугаю. Всего лишь предупреждаю. И тебе, Артем Захарович, это известно лучше, чем кому-либо другому, вот так-то, товарищ капитан, – с сарказмом добавил он.

Плат не отреагировал. Но Зотов мог бы поклясться, что увидел, как на миг потемнели его голубые глаза.

А Васильчиков между тем стал излагать собственную версию случившегося.

По его рассказу выходило, что он вышел, чтобы прогулять милого песика Дика, когда ему совершенно неожиданно стали угрожать сидевшие давно, видно, уже в скверике трое пьяных молодых людей с огромной собакой на ремне.

– Ружье с собой зачем взяли? – спросил Зотов.

– Так вот же от таких, как они, и защищаться, – улыбнулся Васильчиков, искренне надеясь на понимание. – Мне постоянно сыплются угрозы со стороны всяких бандитов.

– А вот это, Роберт Олегович, я уверен, не понравится Журе.

– Я протестую, – спокойно ответил Роберт. – Прошу записать в протокол, господин следователь, что оперуполномоченный Плат позволяет себе оскорблять во время допроса свидетеля.

– Вы – не свидетель, вы – ответчик, – хладнокровно поправил адвоката Зотов. – Давайте дальше.

– А что дальше? Дальше все понятно. – Васильчиков развел руки в стороны, мол, рад бы вам помочь, да... – Они набросились на меня...

– Кто – они? Прошу назвать конкретно, – перебил Зотов.

Васильчиков внимательно посмотрел на него и ответил:

– Ну не они, а он, хотя в полной темноте я не успел разглядеть злостного хулигана.

– Темно не было, вы говорите неправду. Даже когда мы приехали к уже остывшему трупу, было еще достаточно светло. Итак, на вас напали, я верно понял?

– Верно.

– А вы оказали сопротивление.

– Так точно, – улыбнулся Васильчиков.

– Кому конкретно вы оказывали сопротивление?

– Ну, во-первых, огромной собаке, которая бросилась на меня...

– Это неправда. Именно ваша собака кинулась на сидящего на привязи колли. Это подтверждали все до единого свидетеля. И именно вашего Дика не могли оттащить от колли Кураева, пока вы не дали команду отпустить его. Таким образом, получается, что это вы натравили своего пса на чужую собаку, которая к вам даже не приближалась. Кроме того, это вы приказали, чтобы посетители скверика убрались оттуда к чертовой матери. Не так ли?

– Ну как вам сказать? – Адвокат, конечно, не был в замешательстве, он искал наиболее точный ответ, который согласовывался бы именно с его версией события. – Вполне возможно, что мы даже крикнули одновременно и таким образом не смогли расслышать друг друга. А потом ведь все развивалось так быстро, почти мгновенно, что тут и собаки еще эти, и верзила, который движется на тебя с матерной бранью...

– По показаниям свидетелей, Кураев не матерился, а просто назвал вас гнидой, – тонко улыбнулся теперь и Зотов. – Но если вы слово «гнида» расценили как матерную брань, тогда мы так это и запишем.

– Да, – нахмутив брови, ответил Васильчиков, – что-то такое, я точно не расслышал.

– Однако выстрелили?

– А что же мне оставалось делать при виде определенной для себя угрозы?! – с иезуитской улыбочкой поинтересовался Васильчиков. – А как бы вы поступили на моем месте, господин, э-э... следователь? Вы бы, наверное, подождали, пока преступник разmozжит вам голову? Или применили бы один из контрприемов, коим вас научили на юрфаке?

– Вопрос не имеет отношения к делу. Что вы сделали, выстрелив и убив человека?

– Ну, начнем с того, что я не хотел никого убивать. Разве что припугнуть. Да потом и расстояние между нами...

– Расстояние между вами, мы проверили, было не более семи метров. То есть вы стреляли фактически в упор. Картечью.

– Да? Ну вам, разумеется, виднее. А я хотел просто напугать. Но он упал. Может, поскользнулся, не знаю. Тогда я отозвал Дика, и мы ушли с ним домой.

– И вы ничего не знали об убийстве?

– Естественно. Я только сейчас от вас узнал, что патрон в стволе был заряжен картечью. Можете мне поверить.

– Увы, это все неправда. – С озабоченным видом Зотов покачал головой и взглянул на Плата, с усмешкой рассматривавшего картины на стенах.

– Ага, – сказал Артем Захарович, – врешь ты, Роберт Олегович. А кто тут же кинулся звонить Полтавину?

Вот тут и смешался Васильчиков. Не думал он, что генерал так запросто продаст его.

– Ах да, кажется, и впрямь звонил... Ну как же! Только, по-моему, это не я, а он меня зачем-то разыскивал. И мы беседовали, да, подтверждаю. Тема? Это уже другой разговор, вас она не касается, это наше дело. А чтобы мы про убийство разговаривали? Ах, ну конечно, я же сказал, что на меня напали и я выстрелил, чтобы заставить их отступить. Что было, то было...

– Видимо, поэтому я и получил указание срочно выехать на труп и посмотреть, кого на этот раз уложил Васильчиков, – небрежно сказал Плат. – Я, как вы видите, добросовестно выполнил указание начальства. И что же я вижу? Уму непостижимо. Сплошное вранье. Можете так и записать в протокол мое личное мнение, господин следователь.

– Я понимаю, – почти официальным тоном заявил Васильчиков, – что мои враги стараются изо всех сил обвинить меня во всевозможных грехах. Вижу и то, что вы прибыли на место случайного происшествия с явным обвинительным уклоном в мой адрес. Да вы и сами не скрываете своей неприязни ко мне. Что ж, это тема для очередной беседы и с вашим руководством, и на ближайших заседаниях Законодательного собрания. Уж поверьте, я постараюсь сделать так, чтобы подробности нашего разговора стали известны широкой общественности. Вы закончили? Тогда прошу оставить меня в покое.

Зотов разозлился, но постарался взять себя в руки и в ответ на наглую отповедь скучным, «канцелярским» голосом сказал то, что давно вертелось у него на языке.

– Вы так ничего и не поняли, господин Васильчиков. Вы совершили убийство. Но ничего путного в свое оправдание привести не смогли. Никаких фактов. По этой причине я принимаю решение временно задержать вас как человека, оказывающего открытое противодействие следствию. Соберите самое необходимое, впрочем, вы знаете, что вам понадобится в камере предварительного заключения.

– Это черт знает что! – вспыхнул этот полный и лысый человек, дотоле излучавший равнодушное и сытое спокойствие, а теперь вдруг превратившийся в злобного кабана, только без клыков. – Я немедленно звоню губернатору!

– Я вам обещаю, – настойчиво продолжил Зотов, – что, пока я вам не дам на то разрешения, вы никого не будете беспокоить. Не усугубляйте своего и без того трудного положения.

– Да, Роберт Олегович, я тебе тоже советую придержать язычок, а то ненароком дружков своих выдашь. А они тебе этого не простят, можешь мне поверить. Собирайся, сейчас за тобой придут.

И Васильчиков, услышав негромкий насмешливый голос Плата, неожиданно стих и как-то странно успокоился.

– И еще ружье, из которого был сделан выстрел, подайте сюда, пожалуйста. И патроны к нему, для установления идентичности. Не мне вас учить, вы – человек опытный, – сказал Зотов.

И тут он увидел метнувшийся на него действительно зверский, злобный взгляд, от которого в иной ситуации наверняка почувствовал бы себя неуютно.

– А еще, Роберт Олегович, – добавил Плат, – посоветуй своей супруге... Она где сейчас?

– На даче, – мрачно ответил Роберт.

– Вот и оставь ей записку о том, что ты временно меняешь место жительства. Да, так вот, напиши, чтобы она Дика не спускала во время прогулок с поводка. Кстати, если ты сейчас надеешься на его помощь, – тут Плат вообще широко и приветливо улыбнулся, – то делаешь это зря. Мы воспримем твои команды ему как оказание сопротивления при задержании и... – Плат достал из кармана пистолет Макарова и передернул затвор, поставив затем пистолет на предохранитель, и сунул его за пояс под пиджаком. – Это все же не человек, а собака, но я, можешь быть уверен, как и ты, тоже не промахиваюсь. Одевайся.

А сам подумал, что это сегодня, скорее всего, генерал Полтавин промахнулся, лично отрядив его, Плата, сюда, на место преступления. Или, возможно, у генерала были какие-то свои планы на этот счет, не мог же он не знать, как относится старший оперуполномоченный Плат к человеку по фамилии Васильчиков. Или же?.. А кто их всех знает!

5

Утром в руководящих городских кругах действительно разразился обещанный адвокатом Васильчиковым скандал.

Узнавшая каким-то образом о происшествии с мужем, жена его, Зинаида, не дозвонившись мужу с дачи, ринулась искать супругу губернатора. Наталья Алексеевна оказалась сама не в курсе событий и надела на собственного мужа. У того, конечно, не было иных забот, как выяснять, что могло произойти с Робертом – старым приятелем и собутыльником. И потому он, недолго думая, перезвонил Полтавину и спросил, что это за слухи о каком-то убийстве, в котором якобы замешан Роберт? Генерал рассказал, что уже знал с прошедшего вечера, но добавил, что послал туда, на место, опытного оперативника, который быстро установит истину и найдет виновного. Кроме того, на Парковой работала дежурная бригада ГУВД.

Эти сведения по той же цепочке вернулись к Зинаиде Алексеевне, супруге Васильчикова, и перепуганная женщина, зная непредсказуемый характер своего мужа, схватилась за голову. Ей уже были известны те три эпизода, которые легли черным пятном на биографию вспыльчивого супруга.

Особенно ее волновал третий случай, совершенно необъяснимый с точки зрения нормальной человеческой логики.

На даче у них, доставшейся Васильчикову еще от покойных родителей супруги, росло несколько старых яблонь. По идее, их давно уже следовало заменить молодыми. Плодов они уже почти не давали, разве что в тени от их листвы стоял плетеный дачный стол с креслами, где любил отдыхать после «трудов праведных» сам господин адвокат.

И надо же было такому случиться, что именно в тот день, когда Роберт Олегович сделал очередное дорогое для себя приобретение – купил в магазине «Охотник» специально выпитый для него из-за границы бельгийский карабин и привез его на дачу, случилось непредвиденное. Васильчиков уже закрепил на стене старого сарая лист с мишенью, чтобы пристрелять новый ствол из своей коллекции, когда увидел, что по стволу крайней, у высокого забора, яблони карабкается соседский мальчишка. Этот Родька был известным озорником и прежде частенько наведывался в сад Васильчиковых, благо что забор был невысоким. Роберт Олегович ругался с соседом Кушевым, тот все обещал выдрать непослушного сына, но, видно, отцовская наука не помогала. И на черта далась мальчишке эта старая яблоня, на которой и плодов-то раз-два и обчелся? Но самое ужасное было в том, что Зинаида Алексеевна наблюдала все происшедшее дальше своими глазами – она стояла возле кухонного окна, выходящего на веранду,

и видела, как муж, отошедший от стенки сарая на полсотни шагов, поднял свое ружье, прицелился, а затем, вдруг резко развернувшись всем корпусом, выстрелил в сторону яблони. Все дальнейшее было для Зинаиды Алексеевны словно окутано густым и каким-то жутко кровавым туманом. У нее даже нервный срыв случился...

Долго тогда пришлось Роберту Олеговичу доказывать следователям, что мальчик был убит им совершенно случайно. Он даже, помнила Зинаида Алексеевна, мишень свою проклятую так перевесил заново, чтоб она оказалась вроде как на одной линии с той яблоней. И велел супруге молчать, при этом выглядел так страшно – одновременно растерянно и злобно, – что она, видевшая, как все произошло, сочла за благо для себя дать следователю те показания, которые в буквальном смысле продиктовал ей муж.

В день похорон мальчика Васильчиковы в дачном поселке не появились, и правильно сделали, потому что последствия могли быть непредсказуемыми. Но когда после уже зашла речь о компенсации, вот тут Роберт Олегович торговаться не стал и, наверное, по совету своего дружка-губернатора назвал сумму, которая отчасти сгладила его вину – сто тысяч долларов. Для провинциального адвоката это деньги просто огромные, а что уж говорить об обывателях, которые о подобных суммах слышали разве что по телевизору. Короче, он откупился в тот раз. И это даже не повлияло на его дальнейшее избрание председателем областной адвокатской палаты. А преступление списали на несчастный случай.

Но Зинаида Алексеевна-то своими глазами видела!.. И вот снова...

Она уже не верила ни в какие «случайности». И когда Наталья Рыжакова объяснила ей со слов мужа, что снова произошла ошибка, но такая, что Роберту Олеговичу придется еще крепко доказывать в суде об отсутствии преступных умыслов, она поняла, что дело, видимо, так просто, как раньше, не закончится.

– Но если у Роберта не было умысла, то где же он тогда сейчас? – поделилась Зинаида своими горькими сомнениям с подругой.

– Возможно, показания следователю дает, – ответила та.

– Но телефоны не отвечают – ни наш городской, ни его мобильный...

– Ну мало ли куда он подевался? – вопросом на вопрос попыталась успокоить Зинаиду подруга. – Не волнуйся, твой муженек и не из таких передрыг сухим выходил.

Но время шло, неизвестность тяготила и томила нелепыми предчувствиями. Так и не найдя мужа ни по одному из известных ей телефонов, Зинаида, уже четко предполагая самое худшее, кинулась в Новоград.

Дома скулил Дик, словно предвещал беду. Записка мужа наконец все разъяснила. Он арестован и находится временно в тюрьме в связи с тем, что по неосторожности им был произведен выстрел, от которого пострадал человек. Беспокоиться не следует, а надо просто ждать, он даст указание, что и когда надо будет предпринять. Самое главное – не входить ни в какие контакты с соседями.

По правде говоря, мало что поняла Зинаида Алексеевна из объяснений мужа. Разве только то, что сидит он теперь в тюрьме и будет находиться там до суда. А ведь Наталья-то уверяла, что ничего вроде бы страшного не произошло и он выпутается...

И она, сокрушенно вздохнув, надела на Дика строгий ошейник, взяла его на поводок и отправилась во двор. А уж о том, чтобы спустить собаку с поводка после предупреждения, оставленного мужем, Зинаида Алексеевна и не помышляла. Дика всегда выгуливал только сам хозяин, словно утверждая над ним свою «железную власть». Это был как бы негласный семейный договор – никто, кроме Роберта, не вмешивался в воспитание пса, и у нее самой вообще бультерьеры, о которых она читала много ужасного, вызывали в душе некоторую оторопь.

Полтавин, взбудораженный звонком губернатора, приказал Плату явиться, чтобы узнать у него подробности происшествия. Артем Захарович тут же пришел и доложил о проведенных

накануне вечером следственных мероприятиях, а также о том решении, которое принял следователь Зотов, против которого и он, Плат, не стал возражать, ибо счел его абсолютно правомерным.

Генерал смотрел в глаза капитану и пытался разглядеть в них ну хотя бы капельку лукавства, хотя бы намек скрытого торжества по поводу того, что не все, мол, коту масленица, – уж он-то знал об отношении Артема к Роберту еще по прошлым делам. Но Плат выглядел скучным и невыспавшимся, и о каком-то торжестве в его глазах говорить не приходилось.

– Ну, так что там все-таки произошло? Садись, – сказал генерал.

Капитан изложил только сухую фактуру, почти схему события, причем без собственных комментариев. Потом добавил, что, по его мнению, этот вопрос предельно ясен, к тому же он подтвержден единодушными показаниями многочисленных свидетелей, среди которых имеются не только друзья убитого, но и посторонние люди – соседи. Сказал и о том, что утверждение ответчика, будто выстрел произведен им случайно, не соответствует истине, объяснил почему и закончил свое сообщение тем, что преступление надо квалифицировать по статье сто пятой Уголовного кодекса. Причин для снисхождения он также не видит, поскольку личность господина Васильчикова, этого стрелка по движущимся мишеням, слишком хорошо известна следственным органам Новограда, ибо это уже далеко не первое убийство, совершенное им «по чистой случайности», причем почти в упор.

Полтавин задумался. И было над чем.

Капитан выложил все обстоятельства дела сухим и деловым тоном, обвинить его в предвзятости к председателю адвокатской палаты просто язык не поворачивался. Но генерал-то знал, какие чувства бушуют в душе капитана, который и в капитанах до сих пор бегаёт исключительно благодаря стараниям того же Васильчикова и его друзей. И сам Полтавин, как говорится, далеко не полностью разделявший точки зрения руководителей губернии и ее правоохранительных органов на существующие в городе и области порядки, вынужден был продолжать играть в их общую игру. Был момент, еще в самом начале его работы здесь, сразу после назначения, когда он мог занять самостоятельную позицию, отгородив себя от явных уже нарушений законности в угоду «высшим», так сказать, интересам, но не сделал этого. Решил не спешить, а лично разобраться в ситуации. Но когда наконец разобрался, было уже поздно. Он и сам оказался намертво повязанным быстро возникшими и окрепшими связями, которые стали для него словно путы на ногах.

А вот какой-то «капитанишка» не смирился. Правда, за эту свою «самостоятельность» он не получит ничего, кроме множества оплеух, но ведь и держится, гляди-ка, молодцом. Не самое ли время подумать и о собственном освобождении от мешающих пут? Или еще рано? А что значит «рано»? Пока гром не грянул?

Во всяком случае, Полтавин решил не торопиться и не бить в набат по поводу ареста Васильчикова, хотя речь шла не о простом гражданине, а известном в городе адвокате и даже руководителе этой конторы. А к тому же депутате и законодателе. Что ж, пусть предъявляет пока счет к самому себе.

И генерал отпустил капитана, не показав своей реакцией ни одобрения, ни протеста по поводу превышения им должностных полномочий. Нейтрально выслушал и сказал:

– Свободен.

А через полчаса едва не пожалел о таком своем решении.

Позвонил губернатор Рыжаков и, не произнеся даже полагающегося для приличия слова «привет», приказным тоном заявил:

– Оставь там свои дела и срочно подъезжай ко мне.

– Что случилось, Алексей Петрович?

– Это ты мне должен доложить, что случилось, – сердито бросил губернатор. – Чего вы там у себя напортачили с этим дурацким делом?

– Каким делом? – Полтавин спросил таким тоном, как будто он ничего не понимает.

– Не валяй дурака, Гриша! – уже почти рявкнул губернатор. – Не притворяйся несмышленной девочкой! Подъезжай, будем думать, как разруливать эту чертову ситуацию.

– Да о какой ситуации речь? – уже и сам почувствовал возмущение от подобной бесперемонности генерал. – Я не понимаю, о чем конкретно вы говорите, Алексей Петрович! К тому же я не могу бросить неотложные дела! – Генерал повысил голос и только сейчас сообразил, что он вовсе не всемогущ. Полтавин на миг даже сам замер от собственной решительности и уже подумал было, что зря он так – не надо бы обострять отношений с Самим, как почтительно называли Рыжакова его верные холуи, вот и он, генерал, туда же... Но... тон губернатора изменился.

– Чего ты-то нервничаешь, Гриша? Я тебя не понимаю. Успокойся, отложи, что там у тебя не самое срочное. Я ж говорю... подумать надо. Хочу с тобой посоветоваться, будь другом. Мне вот тут звонил наш и. о., ну Фатеев...

Виктор Афанасьевич Фатеев исполнял обязанности областного прокурора.

– Ну и чего он хотел? – отходя уже от собственной «храбрости», спросил генерал.

– Да он сказал, что ему из Заводского района прислали на утверждение постановление о задержании и временном содержании под стражей зампреда Законодательного собрания Васильчикова, ты себе представляешь? Скандал-то какой разразится?! Законодателя – и под арест!

– Но ведь на законных же опять-таки основаниях? Или заводской прокурор что-то у себя нарушил?

– То-то и оно, что помощник районного прокурора и представил постановление на подпись.

– Это кто таков?

– Да Моисеенков какой-то. Кто-то на него, видимо, крепко надавил. Но даже не в нем дело. Кто-то настроил наших господ-законодателей, мать их! Не возражают они, видишь ли, против приостановления иммунитета, так сказать. Отдали своего зампреда на растерзание, ты представляешь? Да что я тебе все по телефону-то говорю, подъезжай, прямо не знаю, что и предпринять в этом случае...

– А я бы ничего не предпринимал, Алексей Петрович, – снова решился Полтавин. – Ты сам подумай, у этого Роберта наверняка найдутся и без нас с тобой самые лучшие адвокаты, сообразят, что к чему. А то как бы резонанс не был для нас отрицательным. Если и депутаты против него настроились, это может иметь непредсказуемые последствия. Дело-то чисто уголовное, никакой политики. Да и убит вроде бы геройский парень, орденосица. Только что из госпиталя вернулся. Нехороший, понимаешь, душок в этом деле, как ни крути. Значит, что? Виноват – отвечай, невиновен – гуляй себе. Вы хотите срочно освободить Роберта? Но тут – я имею в виду посторонних, в том числе и наших недоброжелателей, – генерал подчеркнул слово «наших», ставя себя как бы на одну доску с губернатором, – просматривается явная и откровенная заинтересованность, как говорится, властей предрасполагающих о сохранении чистоты своего мундира, правильно ли будет это? И еще, – заторопился он, пытаясь предотвратить возмущения губернатора, – следствие-то, по-моему, не затянется. Быстренько назначим судебное разбирательство, а там можно будет его адвокатам походатайствовать и об изменении меры пресечения. Думаю, никакой судья возражать не станет. А суд – он и есть суд, как решит, так и будет. Потребуется повлиять – все в наших руках. Не потребуется – тем лучше. Объективность – она всегда в почете, не мне тебе это говорить, Алексей Петрович.

– Так ставишь вопрос? – Губернатор задумался. – Ну ладно, сделаем по-твоему. Смотри, нам бы не переборщить с этой... с демократией, мать ее... Но ты все равно подскочи ко мне в течение дня, переговорим.

Полтавин остался доволен только что высказанными аргументами. Ничего страшного, пусть Роберт немного посидит, поостынет малость. Да у него там и компания наверняка самая для него подходящая. О почти приятельских отношениях адвоката и местного главного уголовного пахана Журавлева – Журы генералу было известно. Так что если в камере получат указание Журы не трогать адвоката, Роберт может вполне рассчитывать на поистине райское для себя существование – лучшее место и полное наше к вам почтение...

Глава вторая

Насмешка над судопроизводством

1

Председатель суда Заводского района Иван Данилович Самохвалов был высокого роста, широк в плечах и производил впечатление борца-тяжеловеса. А надевая к заседаниям судебную мантию, внешне смотрелся как само определение глубинного значения слова Закон – этак жесткий предел для свободы воли и действий. Но только это выглядело чисто внешне. А сугубо внутренняя сущность личности Ивана Даниловича была безалаберной и противоречивой.

Начать с того, что о его разнузданности шепотом давно уже говорили сослуживцы в кулуарах суда. Этот громила, оказывается, очень любил молоденьких девушек, а его знакомства с ними далеко не всегда заканчивались благополучно для последних. Но это уж как получалось.

Еще будучи молодым человеком, выпускником юридического института, он считал себя неотразимой личностью, поскольку его спортивные успехи всегда были много выше профессиональных и за победы на соревнованиях – он действительно состоял в борцовской команде города – ему прощали некоторые грешки в институте. Но шло время, борьба как способ самутверждения закончилась, а основная, денежная профессия требовала все большей отдачи, к чему бывший чемпион не привык. Вот праздник, девушки, хорошее застолье, где он был во главе, но не пил, как все остальные, свято блюдя режим, – это жизнь!

Когда Иван Данилович стал судьей или, точнее, когда его сделали судьей, что не одно и то же, он уже сумел поставить себя в один ряд с другими верными сторонниками губернатора Алексея Петровича Рыжакова. Кто-то из откровенных завистников поговаривал за глаза, что этим назначением новый губернатор отметил заслугу преданного человека. Клевета, конечно, но отвечать на всякое злое слово Иван Данилович не привык, он уже давно усвоил, что жизнь – это не борцовский ковер, а куда более худшее место для сведения счетов. Но ни с кем их он пока сводить не собирался, ну разве что иной раз, при вынесении приговора, прислушивался к умным речам, сказанным ему сверху. Но какое же это преступление против Закона? Именно это и есть осмысление его в самом лучшем виде. Закон не должен по большому счету расходиться с требованиями законной власти, иначе какой же он после этого Закон? Да еще с большой буквы! Абсурд.

Итак, в один из вечеров, когда уже давно закончилось судебное заседание, а служащие, в большинстве своем завершившие рабочий день, разошлись по домам, оставив в кабинетах разве что самых бестолковых или слишком усердных – для завершения дел, – Иван Данилович вспомнил, что в райсуде появилась новенькая девица – смазливая и смелая, если судить по ее коротким юбкам и весьма независимому поведению. Однажды он даже был вынужден сделать замечание этой Людмиле, что на судебные заседания ей лучше все-таки надевать платья поскромнее и подлиннее. Здесь правосудие вершится, а не рассказывают фривольные анекдоты. Ох как тогда сверкнула на судью своими зелеными глазницами эта блондиночка! Но на следующее заседание явилась как монашка, только что не в платочке. А потом и на службу стала приходить такой же скромницей. И снова судья обратил внимание этой бойкой девицы на то, что его замечания касаются лишь публичности, а так-то она вполне может, являясь, например, к нему в кабинет с документами, по-прежнему доставлять удовольствие лицезреть ее юную и одновременно вполне созревшую красоту, до коей он, которого теперь звали «ваша честь», был большой охотник в молодые годы.

Иван Данилович был даже готов поделиться на этот счет своими воспоминаниями и был не то чтобы смущен, но несколько озадачен той реакцией, которая последовала. Эта Людмила, откровенно глядя в глаза судье, заявила, что гораздо больше всяких разговоров, тем более – воспоминаний, предпочитает жизнь живую и сиюминутную.

– И если ваша честь, – так она поддразнила его, показав при этом кончик язычка, – не против, я готова на деле доказать, что новое поколение ни в чем не уступает старшему. А во многом наверняка и превосходит его.

Заход был, надо сказать, смелый. И судья Самохвалов, зачарованно наблюдая за движением ее полных губ, сладко облизываемых кончиком языка, и наконец совершенно уже утопая в зеленом омуте ее призывающих к явному распутству глаз, не устоял перед давно желаемым соблазном.

Зная, что в здании никого, кроме сторожа, к тому времени не осталось, они, не сговариваясь, пришли в зал заседаний, где еще днем страж законности и порядка лично вершил правосудие, и прямо на зеленом сукне председательского стола предались самому восхитительному разврату.

Иван Данилович всласть окунулся снова в свою юность, в те годы, когда его многочисленные и довольно беспринципные в любовных делах подружки, из тех же спортсменок, обожали в нем неумную мужскую силу и выносливость.

Судейский стол едва не развалился от той бури и бешеной качки, которые обрушились на его широкое зеленое поле. Черно-белый фотографический портрет президента в золоченой рамке, висевший на стене зала судебных заседаний, должен был бы покраснеть если не от гнева, то определенно от стыда. Но этим двоим было не до условностей. Они не сомневались, что в суде никого нет. Но оказались неправы. За фантастическим зрелищем наблюдала молодая, но решительная практикантка, увидевшая в данном акте блестящую возможность сделать себе карьеру. Эта Леночка Нестерова просмотрела до самого конца увлекательное и возбуждающее зрелище и ушла никем не замеченной. Но через несколько дней, выбрав удобный, возможно, для себя момент, она зашла к судье и попросила его внимательно выслушать ее.

Ни о чем не подозревая, Иван Данилович не возражал. Он даже не протестовал, когда девушка, видимо для каких-то своих целей, завела его в пустующий зал судебных заседаний и подвела поближе к председательскому столу. И даже когда села на стол и начала демонстрировать ему некоторые позы, он все еще воспринимал это как проявление ее взбалмошного характера. Но когда она назвала ему точную дату и время действия развернувшегося на зеленом сукне, Самохвалов не сразу понял, что от него хочет эта девица, и решил попросту присоединить и ее к общему числу своих побед.

Она его раздражала, но оказалась не готова к решительным действиям. И когда поняла, что их уже не избежать, стала рваться и кричать. Но кто услышит ее в пустом здании? Разъяренный отчаянным и, главное, совершенно непонятым, идиотским сопротивлением, Иван Данилович только на миг дал волю рукам. Но лучше бы он этого не делал. Его удар смахнул девицу со стола, как ненужную вещь, и она, падая на пол, со всего маху ударилась виском о грань того возвышения, на котором стоял судейский стол.

Самохвалов сам вызвал «скорую помощь», которая приехала и немедленно увезла девушку в больницу, где та, не приходя в сознание, и скончалась от черепно-мозговой травмы.

Дело тогда замяли, списав на несчастный случай – поскользнулась, упала, ударилась. Кто же станет подозревать известного в городе судью? Бывшего к тому же в свое время известным чемпионом...

Но если по правде, то и тогда не обошлось без помощи Роберта Олеговича Васильчикова и его сердечного приятеля, губернатора Рыжакова. Но об этом знали очень немногие. В том числе и Людмила Лякина, секретарь суда. Ее свидания с господином судьей продолжались, но

не носили постоянного характера и уж, во всяком случае, без прежнего фрондерства на судебском столе, которое они с блеском продемонстрировали оба в первое свое любовное свидание.

2

Роберта Васильчикова защищали четыре наиболее известных в городе адвоката. Сам обвиняемый сидел не в металлической клетке, где обычно содержат во время судебного заседания уголовных преступников, а на скамейке перед ней, вместе со своими адвокатами.

Дело в том, что буквально накануне по их представлению судья Самохвалов счел возможным изменить меру пресечения для обвиняемого, поскольку уголовное дело по обвинению его в убийстве Архипа Кураева было уже передано в судебное производство и сам Зотов не стал возражать против того, что Васильчиков больше не представляет опасности во время проведения следственных мероприятий. Теперь это была уже чистая формальность. Но сам факт замены содержания под стражей на обычную подписку о невыезде как бы давал теперь право Роберту Олеговичу лично руководить действиями своих адвокатов.

Михаил Юрьевич Зотов позже понял и оценил свой невольный промах. Искренне полагая, что дело это предельно ясное, он посоветовал отцу погибшего, Борису Анатольевичу Кураеву, не тратить деньги на защитника. Этим обстоятельством и воспользовалась адвокатская «орда» во главе с Робертом Олеговичем.

Со стороны потерпевшего было выставлено двенадцать свидетелей. И как ни старались адвокаты сбить их каверзными вопросами, поначалу ответы свидетелей оставались четкими и недвусмысленными, из которых выходило, что Васильчиков не оборонялся от нападения, а именно стрелял в человека, который как бы покусился на его право беспрепятственно выгуливать своего пса на детской площадке и натравливать его на прохожих. Другими словами, перед обвиняемым четко маячила сто пятая статья Уголовного кодекса – убийство при отягчающих обстоятельствах. И смягчающих обстоятельств – при собранных материалах обвинительного заключения – никак не предполагалось.

Особенно сильное впечатление на всех присутствующих в зале – а он был набит под завязку – произвели выступления друзей Архипа Кураева – Павла Соловьева и Льва Рогова, которые, вопреки возражениям адвокатов, что данными фактами оказывается якобы давление на суд, рассказали о славной боевой биографии погибшего друга, о его орденах и ранениях. Казалось бы, все симпатии были уже на их стороне.

Но... поторопился следователь Зотов, а вот адвокаты оказались не лыком шиты. Устроив по-своему упертым, но неопытным в юридических тонкостях свидетелям перекрестные допросы, они довольно быстро доказали суду, что большинство других свидетелей не видели лично, а всего лишь слышали о том, что на площадке произошло. И в подтверждение своих показаний не смогли ответить на самые простые вопросы, типа: где стоял преступник, где был пострадавший, как произошла собачья схватка и так далее. То есть адвокаты сбивали свидетельские показания мелкими вопросами и придирками, заставляя людей злиться или смущаться. И вскоре стало видно, как совершенно ясное и конкретное дело, построенное на подобных нечетких показаниях, стало понемногу разваливаться.

А тут еще у защитников Васильчикова неожиданно нашелся собственный свидетель. Откуда он взялся, не знал никто. Зотов его вообще видел впервые. Не присутствовал он и в тот вечер, когда произошло убийство, в скверике и на детской площадке – в этом следователь мог бы поклясться. Однако кто же ему поверил бы, когда свидетель Виктор Степанович Тёртов, оказывается проживавший в том же доме, что и Васильчиков, твердо настаивал на том, что присутствовал при ссоре Васильчикова с Кураевым и видел своими глазами, как все произошло. И сидел он немного в сторонке, потому его и не видели, и на глаза он не лез. А вот в свидетелях у Зотова он тогда не оказался по той причине, что просто сам того не захотел. Он,

мол, вообще терпеть не может милицию с ее вечными придирками, им только палец протяни, так они у тебя всю руку оттяпают.

Судья оборвал его резкие высказывания в адрес милиции и потребовал быть ближе к делу. И вот тогда этот свидетель изобразил совершенно новую картину, перевернувшую все, что говорилось в суде до него, с ног на голову.

По его показаниям, именно Архип Кураев, и никто другой, явился зачинщиком ссоры. Да, он не спускал с поводка своего кобеля, но угрожал это сделать. А сцепились собаки из-за того, что пес Кураева злобно рычал и сам провоцировал драку. Способствовали этому и пьяные дружки погибшего, которые, вместо того чтобы попытаться разнять дерущихся собак, стали избивать камнями собаку Васильчикова, чем вызвали новый взрыв эмоций, который и привел к такому печальному концу. Архип Кураев кинулся на Васильчикова, а тот, желая выстрелить в воздух, сделать так называемый предупредительный выстрел, чтобы образумить нападавшего, немного раньше времени нажал на скобу курка.

Вопрос же о том, зачем Васильчиков выходил выгуливать пса с заряженным ружьем, судья Самохвалов снял как уводящий следствие в сторону.

Васильчиков победоносным взглядом окидывал тесное помещение зала суда. Он, похоже, чувствовал сейчас себя полководцем, руководящим отменной и послушной ратью. А возмущенные крики в зале, которые тщетно пытался погасить ударами своего судейского молотка Самохвалов, казалось, только взбадривали Роберта Олеговича и придавали ему пушей решительности.

Дело по обвинению Васильчикова в умышленном убийстве явно шло к провалу.

Зотов беспомощными глазами смотрел на своего приятеля, помощника районного прокурора Сережу Моисеенкова, который поддерживал обвинение по этому уголовному делу, но тот только многозначительно хмыкал, пожимал плечами и... прятал глаза. И Зотов подумал даже, что Сережа, вполне возможно, сегодня снова выпил перед заседанием. А эти выпивки у него в последнее время участились, и к добру они его точно не приведут.

И тут Михаил Юрьевич сообразил, почему сам районный прокурор отказался поддерживать обвинение, а послал своего помощника. Они ведь уже все это предвидели заранее! Они знали о скрытом свидетеле! Они все были в сговоре, вот что! И тогда, действительно, зачем же самому прокурору с треском проигрывать процесс, когда можно сослаться на собственного нерадивого помощника?..

В общем, Зотов теперь видел, как обвинение катилось к своему блистательному провалу. Моисеенков молчал, хмуро обводя глазами ряды, где сидели свидетели, уже давшие свои показания. А к свидетелю Тёртову у него вообще не нашлось никаких вопросов. Зато все большее торжество слышалось в речах адвокатов, ухитрившихся, как бы между делом, вставлять в свои выступления хвалебные спичи в адрес господина председателя палаты адвокатов Васильчикова – честного, искреннего, неподкупного – не даром же и областные законодатели избрали его одним из своих руководителей. Васильчиков с трудом уже сдерживал свое торжество. И что ему возмущенные крики! Судья Самохвалов без конца предупреждал, что прикажет судебным приставам вывести крикунов из зала, и стучал своим судейским молотком. При этом он, уже не слушая говоривших, что-то заинтересованно рассматривал перед собой на зеленом сукне стола.

Проигрыш был, что называется, по всем статьям. Это стало особенно ясно, когда вернувшийся в зал заседаний судья стал оглашать вынесенный им приговор.

Дело, естественно, было переквалифицировано со статьи сто пятой на сто восьмую Уголовного кодекса. Подсудимый совершил убийство при превышении пределов необходимой обороны. И наказание ему за это преступление – все-таки преступление! – два года условно.

Уже освобожденный из-под стражи, Васильчиков обрел окончательную свободу в зале суда.

Но в дополнение к приговору судья Самохвалов вынес частное определение в адрес прокуратуры Заводского района. Следователь Зотов Михаил Юрьевич в этом определении был уличен в «обвинительном уклоне», а также злостных нарушениях Уголовно-процессуального кодекса. Здесь, надо было понимать, речь шла и о предварительном заключении подозреваемого в убийстве под стражу, и в отказе принять показания свидетеля Тёртова, противоречащие общей концепции происшествия, выстроенной молодым и неопытным следователем в угоду собственным амбициям – как это ярко продемонстрировал судебный процесс.

Словом, ожидай теперь, Михаил Юрьевич, порядочных шишек со стороны своего начальства...

Сережа Моисеенков ушел, не прощаясь. Зотов задумчиво посмотрел ему вслед и догонять, чтобы потребовать объяснений по поводу его отвратительной пассивности, не стал. Все было понятно и разыграно, словно по нотам.

Родители покойного, потеряв всякую надежду, уходили понурые. Неудавшиеся свидетели, выслушавшие отповедь судьи в адрес нерадивого следователя, сочли, видимо, его виновником общего провала и тоже ушли, даже не попрощавшись.

Зато адвокаты шумно поздравляли Васильчикова с победой, громко выражая свой восторг по поводу законного наконец торжества справедливости. И это показное, демонстративное празднование откровенной несправедливости очень больно задело Зотова. Он догнал родителей и попытался объяснить им, что произошло. Но те его почти не слушали и шли домой молча.

– Я сделал ошибку, – сказал Михаил Юрьевич. – Я не посоветовал вам пригласить хорошего адвоката.

– Теперь уже поздно говорить об этом, – хмуро ответил Борис Анатольевич.

– Нет, не поздно! – воскликнул Зотов. – У вас есть возможность обжаловать решение несправедливого постановления суда.

– Кто этим будет теперь заниматься, молодой человек? – горько сказала Варвара Сергеевна. – Вы же сами присутствовали и знаете, что единственный их свидетель, которого никто до сих пор и в глаза не видел, разбил все наши доводы в пух и прах. Где уж теперь искать справедливость-то?

– Только не здесь. У вас, как у потерпевшей стороны, есть десять дней на подачу жалобы в кассационном порядке. Надо найти толкового адвоката, который и стал бы вашим представителем. Но искать его надо не в нашем городе, где все, как вы сами убедились, уже продано и куплено. Да и кто из местных адвокатов согласится выступать с жалобой по поводу вынесения приговора председателю своей же палаты? Только сумасшедший.

– И что же нам прикажете делать? Да и деньги, наверное, потребуются немалые?

– Ну о деньгах еще можно договориться. Важнее найти адвоката, который не испугается местной мафии. А где такого искать? В соседней области? Там наверняка такое же положение, если не хуже. Значит, в Москве. Я тут подумаю, сделаю парочку звонков и потом перезвоню, если пожелаете, вам и скажу, где искать защиты.

– Десять дней... – пробормотала Варвара Сергеевна. – Это ж времени вовсе нет... И денег тоже...

– Я советую вам, что могу, извините. Но при выигрыше этого дела можно будет добиться того, чтобы вам была выплачена определенная денежная компенсация со стороны обвиняемого.

– А если не выиграем? – спросил Борис Анатольевич?

– Ну... тогда...

– Вы не убивайтесь, молодой человек, – сказала Варвара Сергеевна, – вам тоже досталось на орехи, мы понимаем. Где ж ее, правду-то, искать? Позвоните, так и быть, если найдете, может, и мы с Борей чего придумаем...

Зотов отправился в прокуратуру, полный решимости добить все-таки это дело. Особенно его заинтересовал этот неожиданный свидетель Тёртов, появившийся неизвестно откуда. Зотов подозревал, что это обыкновенная туфта – адвокаты нашли человека, договорились с ним за определенную сумму, что и как он скажет, а тот спел все, будто по нотам. И, главное, успешно развалил всю стройную систему доказательств.

Зотов даже решил, что если родители погибшего подадут-таки жалобу и дело вернут на новое следствие, то он, как следователь, занимавшийся этим убийством, лично и в первую очередь займется именно этим Тёртовым, черт бы его побрал!

Но его намерениям не суждено было сбыться. Он еще не знал о решении, принятом в областной прокуратуре.

Коллеги снисходительно похлопывали по плечу, будучи уже наслышаны о его проигрыше в суде, уверяли, что это – не стоящие пристального внимания мелочи жизни, у каждого время от времени случается нечто подобное, что надо просто работать, и все утрясется.

Иное мнение было у районного прокурора.

Игорь Васильевич Вахметьев сидел с непроницаемым лицом, словно каменный Будда. Его вообще за глаза так и звали.

Тонем, не предвещавшим ничего приятного, он сообщил, что уже в курсе частного определения суда в адрес следователя, уличенного в обвинительном уклоне при расследовании дела, касающегося одного из известнейших людей Новограда, да к тому же еще и депутата. Известно также и о поверхностном расследовании обстоятельств гибели бывшего сержанта, приведшем, естественно, к полному конфузу. Вахметьев имел также по этому поводу телефонный разговор с областным прокурором, и тот объявил, что в ближайшие день-два к провинившемуся следователю прокуратуры будут в обязательном порядке применены определенные санкции. В лучшем случае он отделается строгим выговором, а возможно, что его в виде наказания переведут из прокуратуры центрального района города в самый захудалый район области.

Да, неудачников у нас очень не любят. Тем более таких, которые при этом еще что-то мнят о себе. Это Михаил Юрьевич Зотов уже понял по брезгливому взгляду Будды.

Однако, чувствуя свою вину за то, что зло на этот раз осталось не только безнаказанным, но еще и торжествующим, молодой следователь решил для себя самого уже, больше даже для собственного самоутверждения, ну опять же и во имя попорченной справедливости, довести до конца дело хотя бы с защитником.

Он вспомнил пример, приведенный на лекции в юридическом институте одним из преподавателей, причем пример, основанный на известном в городе случае, когда приезжий московский адвокат – это было еще при прежнем губернаторе – сумел так составить жалобу потерпевшего, что в ответчиках оказалась чуть ли не вся губернская власть. И не только выиграл затем процесс, но и заставил тот же суд вынести частное определение в адрес властей предрежащих. В самом деле, известный пример, но только Зотов уже забыл фамилию того адвоката, а напомнить ему ее мог бы разве что старый преподаватель. Не лезть же действительно в судебные архивы! Да и кто его туда пустит, особенно после сегодняшнего провала.

Профессор оказался дома. Как и многие в городе, он был в курсе обвинений, выдвинутых против Васильчикова, которого знал в свое время не понаслышке. И торжество несправедливости больно ударило старика по самолюбию. Но он вспомнил фамилию того, московского адвоката, который произвел в городе своеобразную сенсацию. Звали его Юрием Петровичем Гордеевым. И работал он тогда в десятой юридической консультации, в Москве, на Таганке. Где, возможно, трудится и сейчас, если не сменил места работы.

Вот эти сведения и передал Зотов по телефону родителям Архипа Кураева. А заодно выдал, со слов своего бывшего преподавателя, и самую лестную характеристику московскому адвокату, которого не знал лично, но о ком слышал даже на лекциях в свое время. Это было

то небольшое, что он мог еще сделать со своей стороны. Остальное теперь зависело от решения родителей Архипа и, в еще большей степени, от времени. Десять суток всего, а время – пошло.

3

Юрий Петрович Гордеев сидел в одиночестве в своей маленькой комнате-кабинетике, где помещались кроме него самого еще два стула для посетителей, стол и небольшой сейф, и сладко предавался мечтаниям.

Ему ничего особенно не хотелось. Точнее, хотелось несбыточного. Чтобы вот сейчас заглянула в кабинет роскошно-седая голова мэтра Генриха Афанасьевича Розанова, и бархатный голос произнес с глубоким чувством:

– Послушайте, любезный Юрочка, а не хотели бы вы отдохнуть недельку-другую где-нибудь на курортах южных морей? На фирме предвидится летний застой, и лично мне будет приятно увидеть вас загорелым и отдохнувшим для новых замечательных свершений этак к концу месяца! Надеюсь, у вас нет серьезных возражений? И если туговато со средствами, то вы вполне можете рассчитывать на некоторый... хм, аванс...

Красивые слова! Еще более красивые, благородные мысли...

Дверь отворилась, и в проеме возникло улыбающееся лицо Генриха Афанасьевича. Его темные, выразительные глаза мигом окинули кабинет, остановились на замершем в ожидании лице Гордеева, и взгляд как-то сам собой потеплел.

– Послушайте, любезный Юрочка!..

Сердце у Гордеева екнуло и замерло в томительном ожидании. Неужели?!

– Вы ведь, если мне не изменяет память, уже бывали в Новгороде, не так ли? И, кажется, с блеском выиграли какой-то важный процесс, я не ошибаюсь?

– Господи, когда это было... – Юрий Петрович поскущел. Опять удача – мимо.

– Это совсем неважно. Значит, если предложить вам туда командировку, вы не окажетесь там новичком, которого придется водить за ручку?

– За ручку водить, – с иронией ответил Гордеев, – меня не надо. Но при чем здесь Новгород? Скверный город. Скверное начальство. Если с тех пор что-то и могло измениться, то наверняка в худшую сторону. Белому человеку там делать нечего. Запад есть Запад, Восток есть Восток...

– Ну-ну, не будьте таким пессимистом. Сейчас к вам подойдут двое пожилых людей, они сидят у меня в кабинете, и расскажут вам суть дела, которое их привело к нам в поисках защиты.

– Что, мне ехать туда? – чуть не возмутился Гордеев. – Да у меня тут неувпоровот... – соврал он, но этот номер не прошел.

– Я знаю, знаю, – поспешно попытался остановить протест в самом зародыше мэтр Розанов. – Однако там есть одно обстоятельство. Город, как рассказали мне посетители, до сих пор вспоминает о том вашем процессе, где вы выступили с необыкновенным блеском, чем и завоевали сердца новгородцев. Вот это, я полагаю, и есть наша главная цель – оставить о себе память добрыми делами. Мне кажется, вам будет интересно выслушать посетителей. А я, со своей стороны, обещаю не чинить вам препятствий, если вы захотите взять на себя это дело.

– Спасибо, шеф, – с чувством произнес Гордеев, окончательно освобождаясь от последних иллюзий по поводу двухнедельного отпуска.

– Не надо меня благодарить, – сладко улыбнулся Розанов и кивнул. – Мне, не скрою, и без того приятно ваше согласие...

Посетители оказались мужем и женой, специально приехавшими сегодня утром из Новгорода по совету следователя, который вел дело по поводу убийства их сына. Ну и, естественно,

ни о какой справедливости там речь не идет. Дело проиграно. Сын похоронен, а убийца разгуливает на свободе. Два года условно – это для него ничто.

Рассказ о происшествии не занял и получаса – со всеми отступлениями, личными впечатлениями, жалобами и слезами матери, потерявшей сына.

Юрий Петрович в свое время – это случилось пять или шесть лет назад – уже бывал в Новограде. Тогда власти засадили в тюрьму видного местного бизнесмена за то, что тот отказался делиться с губернаторским окружением своими доходами. Дело было выиграно, а губернатор чудом усидел в своем кресле, однако ему пришлось расстаться со многими членами своей команды. Да и само сидение его оказалось тоже недолгим – на ближайших выборах население его с треском прокатило, как ни старались местные, прикормленные СМИ и московские пиарщики. И вот, значит, снова – возвращение к пройденному.

Времени, как понял Гордеев, у него и в самом деле оставалось в обрез. Из отпущенных законом на подготовку жалобы десяти дней два уже прошли, а надо было еще успеть ознакомиться хотя бы предварительно с материалами уголовного дела и составить безукоризненный в юридическом аспекте документ. С провинциальными буквоедами иначе нельзя. К запятой, поставленной не в том месте, придерутся, а на все необходимо время, которое уже бежит вскачь.

Правда, и Новоград – не так уж и далеко, четыре часа хорошей езды на машине. А поездом еще скорее. Но это – не самое главное. Вопрос с гонораром тоже уже, видимо, возникал в кабинете Розанова, и посетители Кураевы заметили как бы вскользь, что с той суммой, которую назвал им Генрих Афанасьевич, они согласились, готовы и аванс выплатить. Что за сумма и какой будет аванс, Юрий Петрович пока уточнять не стал, оставив этот вопрос до собственного разговора с Розановым. Тот ведь не только его «женил», но уже и «приданое невесты» успел обсудить. Это нехорошо. Получалось, что Розанов уже сам все решил за него.

А если Юрий Петрович возьмет и передумает, тогда что? И вообще, кто его может заставить?

С другой стороны, и этих людей понять можно – видно, привезли все, что смогли. Сказали, что друзья и знакомые убитого сына помогли. Есть тут определенная этическая сторона, когда и торговаться вроде бы не следовало, но опять же если Розанов официально поручает ему защиту интересов Кураевых, то пусть хотя бы следует при этом общепринятым нормам оплаты. И записывает как обязательную акцию по обслуживанию населения. А тут – черт знает что такое. И спрашивать неловко, можно ведь так и подвести «любезного Генриха Афанасьевича». Словом, вопрос о гонораре пока отложили.

После этого, приняв для себя определенное решение, Гордеев оставил посетителей в своем кабинете, продиктовав им, как надо писать заявление адвокату – пока без фамилии – с просьбой взять на себя защиту их интересов и так далее, а сам отправился к Розанову.

У шефа сидела секретарша, но тот, увидев Гордеева, тотчас отложил дела с ней и попросил ее выйти, а Юрию Петровичу показал на стул.

– Я вижу, вы сумели договориться? Вероятно, обсудили все, кроме гонорара, да?

– Вот именно, – сухо подтвердил Гордеев.

– Ну что ж, Юрочка, – задумчиво вздохнул Розанов. – Две тысячи долларов – это огромные деньги для них.

– Я-то понимаю, но почему дыры должен закрывать собой я?

– А кого бы вы предложили?

– Почему, к примеру, не Райский? Или Сеня Воскобойников? У них что, работы больше? Если мы открываем сезон благотворительности, то, я думаю...

– Нет, о сезоне не может быть и речи, – прервал Гордеева Розанов. – Но я подумал, что никто другой, кроме вас, Юрочка, не справится с этим делом.

– Оно вам представляется слишком сложным?

- Нет, опасным.
- Вот как? И значит, меня бросаем закрывать амбразуру?
- Вы это умеете отлично делать, – улыбнулся Розанов. – И потом, я вам верю. В конце концов, вы всегда можете обратиться за помощью и к своим друзьям, не так ли? Не убедил? – Розанов улыбался уже так, что шире некуда.
- Увы, – вздохнул Гордеев.
- Увы, да или увы, нет? – не отставал Розанов, продолжая улыбаться.
- Кажется, увы, да.
- Ну вот и отлично! Ступайте, Юрочка, подписывайте договор. А деньги вам переведут через «Юнистрим».
- Зачем, я на месте сам получить могу. Мало ли что?
- Живешь по старым меркам. Сейчас переводов бояться нечего. Через «Юнистрим» деньги к тебе прискачут за десять минут и без всякой канители с открытием счета. А без золотого запаса в нашем деле никак нельзя, – заметил Розанов.
- Ты прав, – вздохнул Гордеев. – Но лучше бы золотой запас понадобился не в нашем деле, а для отпуска.
- А отпуск я вам гарантирую после окончания дела. Полетите куда-нибудь на Канарские острова. Или на Багамские – там ничуть, говорят, не хуже...
- Опять обманете? – с сомнением произнес Юрий Петрович.
- Я? Вас?! Да никогда! – с жаром ответил Розанов и нажал на клавишу интеркома, вызывая секретаршу.
- «Обманет, – сокрушенно подумал Гордеев и отправился к себе, – уж слишком горячо он пообещал...»

4

Нехорошие, недобрые предчувствия появились у него с первых же минут пребывания в городе, куда он добрался автобусом «экспресс» из Москвы за четыре часа.

Администратор в гостинице, пожилая и сухая, как вобла, тетка с крашенными хной оранжевыми волосами, не преминула поинтересоваться целью приезда. Ну прямо как в добрые старые времена, когда, если у человека не было определенной цели, его просто не селили в номера – «мест» не было.

Гордеев кратко ответил, будто вопрос был для него не нов:

- Бизнес.
- Не секрет, какой? – с определенной насмешкой глядя на него, спросила эта огненно-рыжая «прелесть».
- Разумеется, это коммерческая тайна.
- Ах вон как? – загадочно улыбнулась она. – Московский адвокат прибыл в Новоград по своим коммерческим делам? Приятно слышать, приятно...

Что конкретно ей было приятно, Юрий не понял, но вдумываться поначалу не стал, а решил, что о нем здесь уже знают. Нет, не по той, давней уже командировке сюда, а теперь. Словно ждали московского адвоката, и вот он, нате вам.

- Приятно, говорите? И чем же я вам доставил такое, извините, удовольствие?
- Ну как же! Известный адвокат, в телевизоре нередко показывают. И – к нам, в нашу гостиницу. Наверное, и номер потребуете себе из дорогих, люксовый, да?

Все оказалось проще, чем он думал. Дорогой номер ему хотя бы предоставят. Но не выйдет. На аванс в одну тысячу долларов, что уже получил Гордеев, особо шикавать не приходилось, хоть здесь все-таки и провинция. И он поспешил охладить администраторшу:

– Нет, мне бы чего попроще. Одноместный и скромный. Я у вас собираюсь исключительно ночевать. Так что запросы у меня, сами видите, простые.

– Жаль, жаль, а у нас есть свободные апартаменты. С прекрасным видом на город. С отдельным обслуживанием. – Она многозначительно и как-то уж больно недвусмысленно поглядела ему в глаза. Гордеев едва сдержался, чтобы не расхохотаться.

Номер ему выделили на четвертом этаже, единственное окно выходило во двор – гостиница была выстроена в форме каре. Это с верхних этажей, где располагались дорогие номера, можно было наблюдать окрестности. Но наблюдать Юрий ничего пока не собирался, так что для него не имел значения вид из окна.

Горничная, довольно молодая, но упитанная женщина лет тридцати, не глядя в бумажку, которую протянул ей Гордеев, достала из ящика стола ключ от его номера и, развязно виляя бедрами, пошла впереди, чтобы открыть номер и показать, где что лежит. А вот ее оценивающий взгляд, которым она бегло окинула нового постояльца, ему совсем уже не понравился. Он наконец сообразил, что они все тут знали о его приезде и, возможно, ждали. Значит, и провокаций не избежать. Не исключено, что и со стороны obsługi, с которой надо быть вдвойне осторожным.

Странно, что супруги Кураевы посоветовали ему разместиться именно в этой гостинице – тут, мол, спокойно, ресторанчик небольшой и гульбы здесь обычно не наблюдается. Наверняка в городе имеются и другие, пусть менее значительные, гостиницы, но такие, где на тебя не будут пялиться чужие, заинтересованные глаза. Но – что сделано, то сделано.

В прошлый свой приезд Гордеев останавливался в лучшем отеле города, который располагался на центральной городской площади. Но там сейчас, сообщили ему еще в Москве, идет ремонт, и, значит, жизни никакой. А эта, мол, вроде как дублер того отеля и располагается хотя и не в центре, но, самое главное, отсюда до всех основных учреждений, которые понадобятся адвокату, недалеко. Можно подумать, они заранее знали, какие учреждения ему предстоит посетить. Он сам еще этого не знал, а они, видишь ли, уже заранее все обдумали за него. Странно...

Горничная заглянула в туалетную комнату, где был душ, открыла-закрыла краны. Поправила полотенца на вешалке у зеркала. Потом так же непринужденно проверила мягкость матраса на кровати и с ожиданием в глазах обернулась к Гордееву.

«Она что, может, уже на чаевые рассчитывает? А за какие коврижки?»

Юрий кивнул ей этак непринужденно и, подойдя к окну, стал разглядывать квадрат двора и окна соседних номеров. Горничная же постояла, потом, многозначительно хмыкнув, положила на стол ключ и вышла. «Вот так-то», – сказал себе Юрий.

В номере стоял телефонный аппарат – черный, старинный, с диском для набора. Но если номер был готов заранее, то наверняка он уже был и на шпигован всякой подслушивающей, а возможно, и подсматривающей техникой. Или это еще предстоит? Они же тут не могли знать, где он поселится? Или и это предусмотрели?

Во всяком случае, решил он, вести в номере серьезные разговоры или звонить по этому телефону не следует. Есть мобильная связь, в Москве на свой номер он положил пару сотен долларов дополнительно – мало ли какие разговоры придется вести, правда, лучше бы обошлось все-таки без помощи телефона. Но один звонок он должен был сделать сразу по приезде, и, если его слушают, пусть об этом знают.

Гордеев позвонил по номеру, полученному еще в Москве, председателю районного суда Самохвалову и представился.

Тот, вероятно, сделал вид, что удивился. Поинтересовался, какие проблемы завели в Новоград московского адвоката и чем вызван этот его звонок?

Юрий Петрович терпеливо и вежливо объяснил, что держит в руках договор, согласно которому он принимает участие в известном уголовном деле на стороне потерпевшего и желает

поскорее встретиться с господином судьей, чтобы получить в канцелярии материалы дела и изучить его, прежде чем подать жалобу от имени Бориса Анатольевича Кураева в областной суд.

– Значит, получается, истец недоволен решением суда первой инстанции? – задал совершенно глупый вопрос Самохвалов.

Гордеев даже удивился такой наивности.

– Представьте себе, дело обстоит именно так, как вы и предположили.

– Ну что ж, подъезжайте. Вы знаете наш адрес?

– Да, конечно.

Гордеев положил трубку и тут же, словно обжегшись, отдернул руку – телефон громко затрезвонил. «Надо убавить звук, – подумал Юрий, – а то, если так будет продолжаться, это ж они мне ту еще жизнь устроят...» Он поднял трубку.

– Слышь, болтун, – голос был грубый и явно блатной – на их языке болтун – это адвокат, – мы тебя предупреждаем: будешь совать свой нос куда не надо, оторвем его тебе, ха-ха!

– А вам какое дело до того, чем я буду заниматься? Вы кто? Уголовники? Вот и занимайтесь своим бизнесом, пока.

– Что значит «пока»? – Голос явно нарывался на скандал.

– А то и значит. У меня свои дела, у вас – свои, и пересекаться с вами, устраивать какие-то базары и «стрелки», я не намерен.

– Смотри, болтун, мы тебя предупредили. – Голос поскучнел. – А лучше всего, чтоб ты отвалил обратно в Москву.

– Это тоже мое дело.

– Заладил... – Абонент не очень разборчиво помянул «мать» и оборвал разговор.

– А вот и первый звонок, – громко сказал Юрий и, перевернув аппарат, уменьшил звук до минимума.

Если бы Гордеев не знал, что думает о нем Иван Данилович, он назвал бы прием, который устроил ему судья, вполне любезным.

Самохвалов предложил сесть, поинтересовался, не желает ли гость минеральной водички, и, не дожидаясь ответа, сам поднялся, подошел к двери и попросил секретаршу принести бутылочку воды похолоднее – на улице было уже жарко. Затем таким же любезным тоном он посетовал, что решениями суда редко кто в наше время бывает удовлетворен полностью, всегда остаются какие-то нерешенные с правовой точки зрения вопросы. В общем, он как бы излучал радушие, но в глазах этого здорового мужика, поднаторевшего в словесных баталиях, стояла настороженность.

И снова ощутил Гордеев, что о его приезде здесь если не знали твердо, то, во всяком случае, догадывались. А это, в свою очередь, означало, что за супругами Кураевыми, отправившимися в Москву, было установлено наблюдение. И где они побывали, с кем и о чем договорились, заинтересованной стороне было уже ясно.

Затем судья заметил, что объективности ради, возможно, господину адвокату было бы уместно встретиться, скажем, с кем-то из представителей администрации.

– Это у меня запланировано, – вскользь, словно бы отмахнулся, сказал Гордеев. – И с ними, и, разумеется, с правоохранительными органами. А как же, в этом – суть нашей работы. Но, видимо, не все, подобно вам, рады моему приезду, Иван Данилович.

– Вы считаете, что я испытываю радость? – с иронией спросил судья.

– Но... ваше радушие... На лицемерие оно никак не похоже, и это меня, искренне признаюсь, радует. Полагаю, вы не будете на меня в обиде, если следующая инстанция разрешит наш судебный спор в пользу истца, а не ответчика, верно?

– Вы так считаете? – Любезность как-то исчезла с лица судьи.

– Это – моя работа. Ваша – это сугубо ваша, а моя – это моя, и этим все сказано.

– Мне приятно было с вами познакомиться, – уже без улыбки сказал Самохвалов. – Копию дела вам выдадут в канцелярии, я уже распорядился.

– Благодарю. Приятно сотрудничать с понимающими людьми. А то мне уже звонили в гостиницу, предложили убраться из города ко всем чертям, а не то, мол... Ну сами оцените чьи-то старания. Неужели это дело так переплелось с уголовщиной, что иного выхода не предвидится, как вы считаете, Иван Данилович? Вам понятен мой интерес.

– Не знаю, кто вам звонил и зачем. Впрочем, может быть, здесь кто-то помнит еще о ваших прошлых подвигах?

Очень неосторожно сказал это судья. Вероятно, подумал Гордеев, Самохвалову, как бывшему спортсмену, все-таки недоставало в его должности обыкновенного ума. Ну кто ж так сразу выдает себя? Или это сделано нарочно? Чтобы адвокат не шибко задибал нос?

– Но если этот ваш «кто-то» действительно что-то помнит, то, возможно, он помнит также, чем пять или шесть лет назад, не помню, все закончилось? Вам-то память ничего не подсказывает?

– Подсказывает, господин адвокат, но священного трепета не вызывает, увы.

– Эка вы меня обескуражили! – засмеялся Гордеев. – А я-то думал... Ну благодарю за откровенность. Так у кого я могу получить дело?

– У секретаря, у Людмилы Петровны... Люся! – крикнул Самохвалов. – Ты приготовила то, о чем я говорил?

– У меня все готово, Иван Данилович, – заглянув в кабинет, сказала Люся и вдруг озорно подмигнула Гордееву.

«Они здесь все, похоже, с ума посходили», – подумал Юрий Петрович, покидая кабинет районного судьи.

Для ознакомления с материалами дела и приговором ему выделили пустующую комнатку в помещении суда. Люся сама принесла сюда все материалы, наполнила графин свежей водой и вообще всячески демонстрировала свое подчеркнутое почтение к московскому адвокату, который, так сказать, удостоил своим посещением их провинцию и по этой причине вызывает живейший интерес у окружающих. Или же здесь был какой-то умысел, в сути которого Гордеев еще не успел разобраться. Но размышлять он не хотел, поскольку мысли были заняты исключительно делом, которое лежало в пухлых папках перед его носом на столе, притом что времени на его изучение и составление жалобы оставалось с каждой минутой все меньше. Из десяти отпущенных законом дней три уже канули в пустоту.

Возможно, это понимала и секретарь суда. Но, будучи женщиной молодой, весьма привлекательной и, похоже, сексуально озабоченной, она сразу проявила повышенный интерес к приезжему москвичу, что ему же забавно и откровенно демонстрировала. Может быть, даже слишком откровенно.

С другой стороны, и Юрий Петрович, холостяк на четвертом-то десятке лет, тоже испытывал определенный интерес в отношении женского пола, особенно провинциального.

Во время командировок подобного рода он нередко встречался с разными женщинами, а вивавший над ним ореол успешного адвоката придавал его мимолетным знакомствам на местной почве дополнительный градус. Причем, как показала практика, лишь очень немногие женщины, с которыми он встречался, уже после пытались рассчитывать на более серьезное продолжение отношений. Люся, или Людмила Петровна, как уважительно назвал ее Гордеев, явно рассчитывала на мимолетное удовольствие и не помышляла ни о каком продолжении. Вообще-то говоря, с точки зрения Юрия, это был наиболее удобный, да и целесообразный, вариант. Нет, конечно, не здесь, в этой тесной комнатке, где районные судьи работают с материалами, и, разумеется, не в гостинице, где за ним и так уже смотрят все, кому не лень, а в каком-нибудь

укромном и удобном для девушки месте, которое она сама наверняка выберет, – она здесь живет, ей виднее.

Она и в самом деле ему понравилась. Ну, во-первых, она была натуральная блондинка, это успел рассмотреть Юрий Петрович. Во вторых, как у образцовых блондинок, у нее была высокая и не скованная лифчиком грудь. Это он успел оценить, когда, сидя за столом, принялся раскладывать документы, а Люся, словно желая помочь ему, подошла сзади, наклонилась над его плечом и, словно невзначай, ненавязчиво этак, прижала свою полную грудь к его щеке. И тут же отыграла неловкость, даже слегка покраснела, что ей, кстати, очень шло.

Гордеев посмотрел на смеющуюся девушку, заманчиво прищурившую глаза, взглянул на закрытую дверь и, сочтя случайное касание шуткой, сам, демонстрируя шутливое свое расположение, протянул к девушке руку и легонько похлопал ее дружески чуть-чуть ниже талии, где спина ее была обнажена и бархатная, кремового цвета кожа золотилась искорками невидимых волосков.

Надо сказать, что он сразу обратил внимание на достаточно крупные для такой молодой девушки бедра, в свою очередь тесно скованные короткой зеленой, под цвет глаз, юбкой, которая, казалось, трещала от сдерживаемых усилий. И вот этот его как бы произвольный жест неожиданно подействовал на нее, будто рывок катапульты. Какая-то неведомая сила, будто удар током высокого напряжения, кинула ее прямо на колени к нему. Он и понять ничего не успел, как почувствовал, что и его рот уже оказался в полной власти ее губ, а перед глазами разлилось зеленое сияние...

Это был, разумеется, захватывающий момент. Стоило войти в данную минуту в кабинет кому-нибудь постороннему, не исключая и судью Самохвалова, и карьера Гордеева в этом городе была бы низвергнута в пыль и прах. Но эскапада Люськи была столь стремительна и недолга, что никаких серьезных осложнений для Юрия Петровича вызвать не успела.

Он сумел оценить и весомую тяжесть ее тела, и естественный жар, исходивший от нее, наконец, ее изначальное, природное, необузданное желание иметь в руках то, чего хочется. Пока он аккуратно отрывал ее губы от своих и руками сжимал, приподнимая со своих колен, ее тело, неудобно стиснутое между ним и столом, она ухитрилась ловкими своими пальчиками пробежать и по его телу, остановиться в одном, другом месте и, поднимаясь уже, тихо заметить прямо на ухо и не без искреннего удовольствия:

– Ого, какие мы! Какие быстрые да горячие!

– Ты всех гостей так встречаешь? – переходя на «ты», так же шепотом спросил Юрий.

– Только тех, которые мне сильно нравятся.

– Значит, я сильно понравился, дорогая? – ухмыльнулся он, чувствуя во всем теле нарастающее возбуждение.

– А чтоб полностью удостовериться в этом, нужно время, дорогой, – передразнила она. – Тише, а то услышат.

– Да, я так и подумал, – прошептал он и сказал уже нормальным голосом: – Вот только времени-то как раз у меня совсем и нет. Видишь, сколько прочитать надо? – Он показал на тома на столе.

– Ну с этим-то ты, – она с бесстыдной улыбкой посмотрела ему прямо в глаза, при этом ее «зелень» тоже словно разлилась на лице, – думаю, справишься быстро. А если чего не поймешь, обращайся прямо ко мне, я объясню, охотно покажу... Но вот на меня ты так сладко не гляди, со мной не всякому удастся...

– Такая ты недоступная? – серьезно спросил Гордеев.

– Нет, такая неутомимая.

– Не врешь?

– Сам сможешь убедиться. Если захочешь.

Она облокотилась сбоку на стол, отчего ее белые груди напряглись и полезли из такого же тесного, как ее юбка, выреза кофточки, а сама юбка непроизвольно задралась, обнажив уже до полной, что называется, потери пульса ее сильные, словно у спортсменки, ляжки. Да еще эта модная нынче у молодых девиц обнаженная часть живота с пупком наружу – между короткой кофточкой и такой же нахальной, ничего не скрывающей, а, напротив, все подчеркивающей юбкой! Да еще с разрезом на юбке сбоку бедра. Сплошное заглядение и душевная оторопь! Не всякий выдержит подобное моральное испытание.

– А вот такая постановка вопроса мне нравится больше, чем все эти дела, вместе взятые! – наигранно весело, но с явной уже хрипотцой в голосе воскликнул он, проводя ладонью по тугой округлости ее ягодицы и конфузливо оглядываясь, будто кто-то мог подслушать его «крамольные» слова, и при этом выжидающе уставился на девушку. – Ну так как?

– А ты ничего мужик. – Она кокетливо скосила на него глаза и покачала бедрами из стороны в сторону. – Я, между прочим, первая на тебя глаз положила.

– Да ну? А я думал, что это я тебя первый увидел.

– И захотел?

– А почему же нет? Такая красавица!

– Ха! Хотеть – это полдела. А вот что ты скажешь, когда я тебе покажу, чем владею?

Она, похоже, приняла всерьез его игру, и теперь ему оставалось лишь ждать, когда она выставит свои условия, то есть назначит, где и когда может состояться их свидание. На которое, как представлял себе Юрий, обязательно явятся и те, кто желают запечатлеть для потомства наиболее острые и волнующие моменты их любовной схватки. Впрочем, не только для потомства, но и для плодотворного дальнейшего шантажа. Господи, как уже знакомы все эти дешевые, провинциальные приемы! Но ведь недаром говорится, что на всякую хитрую задницу имеется прибор с хорошим штопором! Так что зря они рассчитывают провести его на мякине. А вот он, в свою очередь?.. А что, ведь можно и попробовать, пошутить, поиграть с ними в свободную от работы минутку...

И Гордеев, многозначительно улыбнувшись, тем самым как бы принял вполне конкретно витавшее в воздухе предложение секретарши суда Людмилы Петровны продолжить знакомство, со всеми вытекающими из него последствиями, на ее поле деятельности. А вот где оно расположено, об этом она скажет сама, наверное, чуть позже, надо же и ей, в первую очередь, между прочим, подготовиться, чтобы не оказаться в пролете...

Предложение Людмилы Петровны прийти к нему вечером в гостиницу, где у нее, по ее словам, все схвачено, было отвергнуто сразу и без объяснений. Девушка, похоже, немного обиделась. Если она надеялась на такой визит, то, надо сказать, с умом у нее было не все в порядке.

Тогда она стала высказывать предположение, что лучше, чем у подружки Татьяны, которая живет здесь же, в центре, недалеко, в двухкомнатной квартире – не замужем, но с ребенком, – лучше не найдешь. Потом она подумала и сама отвергла этот вариант – там не покричишь вволю. Кричать, получая наслаждение, ей, воспитанной на американском эротическом кинематографе, казалось, наверное, верхом эстетического изыщества, так, во всяком случае, Людмила попыталась объяснить Гордееву. Делаю, как хочу, и кричу, что хочу. Тоже своего рода кредо.

Своими размышлениями вслух, которые ей, видимо, невероятно нравились, Людмила явно и настойчиво отвлекала его от работы, и это было нехорошо с ее стороны, о чем Юрий Петрович без всяких уловок ей и сказал. И добавил, чтоб она еще подумала и сказала ему попозже, ближе к концу дня, и тогда и он мог бы освободить для нее достаточно времени – ясно же, не на пять минут встреча. А между тем у него уже у самого возник в голове план, только его следовало уточнить.

Эта игра, которая была не столько забавной, сколько по-хулигански острой, начинала ему нравиться. Да и потом, от кого бы он мог получить максимум сведений об этом Самохвалове, как не от девицы, уже не раз, вероятно, спавшей с судьей, но готовой ради новых, с ее точки зрения, ощущений спокойно продать своего шефа. И он был уверен, что она охотно это сделает в тот момент, когда ее тело будет как бы истекать благодарностью, а мозги биться в сумятице чувств, которые, возможно, окажется не так уж и сложно ей внушить. А чего не нашепчешь женщине в минуты пылкого, страстного забытья?

И она удалилась наконец, безумно соблазнительная и определенно почувствовавшая свою огромную, все поглощающую женскую власть над залетным мужчиной, переспать с которым и вызнаться, с чем, с какими идеями он явился сюда, велел ей сам судья Самохвалов. Правда, она об этом ни словом не обмолвилась в разговоре с Юрием, и полагала, что он так ничего и не понял, когда она демонстрировала ему собственные подходы из запасов своего женского коварства, но была уверена в том, что он точно «клюнул». А кто на нее «клевал», это уж ей всегда ее собственный опыт показывал, тот с крючка никогда не срывался. Об этом она и доложила Ивану Даниловичу.

Тот озадаченно посмотрел на нее, в какой уж по счету раз оценил ее сугубо телесные достоинства и процедил далеко не самым доброжелательным тоном:

– Ты смотри, чтоб я заранее знал, где ты намерена ему отдаться. В гостинице он не хочет, я правильно понял?

– Не желает. Может, к себе приглашу, а что? Я девушка свободная! А ты ребятишек своих подошлешь, чтоб понаблюдали, да? А фига не хотели? Мне это самой ни к чему, такая слава по городу!

– Не твое собачье дело – рассуждать. Ты правильно делаешь, чего приказываю, а больше от тебя ничего не требуется. Фотографии твои тоже никто в журнале печатать не собирается. Ты мне его в непотребном виде представь, и все. И язычок свой не особенно распускай. Смотри, не ровен час, отрежем!

– Ах какой страшный! Да пошел бы ты! Хрен теперь от меня чего получишь!

– Это мы еще посмотрим, – брезгливо сказал он и махнул ей рукой, чтобы она покинула его кабинет. И бросил вдогонку: – Завтра снова в нормальной одежде приходи на службу! – А потом добавил, уже про себя: – Ходит тут, понимаешь... черта лысого усидишь...

5

Вечером, оторвавшись ненадолго от своих занятий, Гордеев, проходя через секретариат, увидел мрачную Людмилу и не удержался от вопроса, не случилось ли у нее чего-нибудь неприятного? Она посмотрела на него долгим взглядом и ничего не ответила, только махнула рукой. Он наклонился над ней и одними губами спросил:

– Отменяется?

Она опять не ответила, продолжая мрачно изучать пустой свой стол.

– Может, мне подумать, а? – так же тихо спросил он.

– Подумай. – Она вздохнула.

– Я там документы положил в сейф, вернусь через полчаса и еще посижу, тогда и поговорим, ладно?

– Ладно, – с мрачным видом ответила она.

Эти полчаса Юрию Петровичу понадобились затем, чтобы он дошел до своей гостиницы, где он видел рядом с окошком той огненно-рыжей администраторши табличку с номером телефона, по которому можно взять напрокат автомобиль. Вчера он не записал его, а сегодня телефон понадобился.

Запомнив номер, Гордеев вышел из гостиницы, отошел подальше и достал свой мобильный телефон. Бюро проката, оказывается, располагалось тут же, рядом с гостиницей, за углом, в небольшой пристройке. И Юрий, не заметив за собой никакой явной слежки, отправился туда.

«Хорошо, что я не проигнорировал совет Розанова о переводе денег», – подумал Гордеев. Гонорар ему и в самом деле перевели через систему Юнистрим очень быстро, если не сказать моментально. Гордеев не хотел признаваться себе в том, что он не верил в оперативность и надежность многочисленных КБ и различных организаций, предлагающих какие-либо действия с денежными средствами. Но с Юнистримом все оказалось на редкость надежно и, главное, своевременно. Ну что бы он делал сейчас, откажись он от перевода? Машина нужна срочно.

Оформить на себя небольшой, но весьма вместительный – это хорошо знал Юрий Петрович – серый «форд-фокус» с притемненными стеклами было делом несложным. Гордеев заплатил за неделю вперед пару сотен баксов, сел за руль и через три минуты уже входил снова в помещение суда.

Странно, но на этот раз Людмила посмотрела на него с ожиданием. Он кивнул и прошел в выделенную ему комнату. Через минуту и она была уже рядом с ним. У порога сразу приложила указательный палец к губам и, подойдя к столу, взяла карандаш из его руки и написала на листке бумаги: «Придумал?» Гордеев кивнул. «Где?» – был следующий вопрос. Он забрал у нее карандаш и коротким движением изобразил на бумаге профиль автомобиля. Людмила улыбнулась, снова взяла карандаш и написала – ниже нарисованного автомобиля: «Тихвинская, 5, первый подъезд, второй этаж, кв. 27. Кода нет. В 22.00». Потом она набросала линиями план, как ехать к ее дому от здания суда, и вопросительно взглянула. Теперь уже он показал ей большой палец. А потом сложил лист бумаги пополам и снова пополам и спрятал к себе в карман – от чужих глаз.

В семь вечера, когда в его кабинет заглянул Самохвалов, Юрий Петрович, погрузившись в бумаги, демонстрировал самую бурную деятельность.

Самохвалов посмотрел с блуждающей на губах улыбкой, потом трубно кашлянул, привлекая внимание к собственной персоне. Гордеев оторвался от дела и, подняв голову, посмотрел вопросительно и строго.

– Вы уж не ночевать ли здесь собрались? – с легкой иронией спросил судья.

– Если бы вы не возражали, я не против.

– Увы, а я – против, закон о труде для всех одинаков, уважаемый господин адвокат. Да и в гостинице спать гораздо удобнее. – Он хмыкнул.

– Но сторожа-то у вас тут, полагаю, имеются? – наивно этак спросил Юрий.

– Сторожа есть, но...

– А вы, Иван Данилович, и в самом деле решили, что я действительно хочу здесь поселиться? Нет! – Гордеев открыто рассмеялся. – До этого я еще не дошел, да и нужды особой не вижу. Но с вашего позволения я бы посидел, полистал дело сегодня еще пару-тройку часиков. Не возражаете? Материалы я, как договорились, запру на ночь в сейф, ключи оставлю на проходной. Ну что, никак не получится?

– Почему же, раз вам так хочется задержаться подольше, я не возражаю...

Самохвалов задумался. У него появилась мысль о том, что, возможно, Гордееву, как когда-то и ему самому, тоже пришла в башку здравая идея разложить Люську прямо здесь, на столе в этом кабинете. А что, неплохой вариант. Эта сучка, естественно помня его, Самохвалова, строгое указание, предложение адвоката поддержит, и они невольно разыграют здесь свой любовный фарс по всем правилам спектакля на радио. Это когда хоть ничего и не видно, а только слышны голоса артистов, но все предельно понятно даже дураку. Неплохо, молодец, Люська, если это она сама сообразила.

«Жучки», с помощью которых все происходящее в кабинете можно было отчетливо слышать, здесь были вмонтированы загодя, задолго до того, как Гордеев явился к судье. Собственно, эта комната обычно предназначалась для совещаний присяжных. А о чем они тут обычно говорили и до чего договаривались, о том судья Самохвалов знал заранее, до оглашения их вердикта. Знал также и кто настроен за, а кто выступает против. Это была та самая крайняя необходимость, о которой ему не раз говорил тот же Васильчиков.

Так что, заходя в кабинет, где корпел над бумагами московский адвокат, Иван Данилович был уже полностью в курсе того разговора, который произошел в этом кабинете между Люськой и этим адвокатом – ну насчет того, кто кого увидел первый и первым же захотел и прочая ахинея.

Пока же все шло по намеченному пути, Люська адвоката определенно охмурила, теперь осталось только ожидать сведений о том месте, где они захотят залечь. Вот туда и подъедут потихоньку ребята Журы, чтобы запечатлеть на пленку их сексуальную возню. А уже утром адвокату можно будет предъявить вещественные доказательства. Либо, на худой конец, если они захотят устроиться здесь, то подойдет запись «прослушки» из этого кабинета. Люська, известно, в минуты пылкой страсти любит обсуждать вслух свои плотские ощущения. И этот вариант тоже может произвести на москвича сильное впечатление, поскольку поставит под сомнение не только его роль в том деле, в которое он сдуру ввязался, но и вообще всю его карьеру. Поэтому почему же не разрешить ему остаться? Да хоть ночуй тут! А страстные Люськины вопли, еще по первому разу помнил судья, произвели на него тогда очень сильное впечатление. И Иван Данилович дал свое «царственное» согласие Гордееву, чтобы тот работал здесь сегодня, да и в любой другой день, столько, сколько душа пожелает. Или позволят обстоятельства. А под тем и другим он понимал совсем не то, о чем, наверное, думал этот ничего не подозревающий адвокат.

Возвращаясь обратно к себе, Иван Данилович снова обратил внимание на старательно корпевшую над какими-то документами Люську. Рабочее время уже кончилось, а она все еще сидела на месте.

– Ты случайно не ночевать тут собралась? – с иронией спросил Самохвалов, утверждаясь мысленно в своих предположениях.

– А если и так, вы будете против? – огрызнулась она.

– Наоборот, я совсем не против. Там, – судья с ухмылкой кивнул в сторону, – еще один передовик производства тоже совсем закопался в бумагах. Просил разрешения задержаться. Тебе этот факт ничего не напоминает?

– А что мне нужно помнить?

– Да, действительно... – сладострастно зевнул судья. – Я не забыл, как ты визжала... Кстати, вот тебе и новый повод. Только ты его уж в зал заседаний не води, это все-таки моя вотчина. – И судья самодовольно засмеялся.

А когда он удалился к себе в кабинет, Люська показала ему вслед неприличный жест, характерный обычно для грубых мужиков.

Людмила сознательно не дала Гордееву номера своего домашнего телефона, потому что уже догадалась, что если он станет ей звонить, то об этом узнают без труда – все говорят, что телефоны в городе прослушиваются запросто, было бы только желание. Она надеялась еще раз перед уходом с работы заглянуть к нему в кабинет и перемигнуться – Людмила видела уже, что он понимал ее, и она хотела сообщить, что встретит его возле своего дома, им будет спокойнее. И родителей не придется тревожить, и свидетелей можно избежать. А в том, что они обязательно будут, она не сомневалась точно так же, как и в подлости проклятого Ваньки Самохвалова, который то губы раскатывает в ее сторону и требует, чтобы она вытворяла с ним черт знает что, то под нужных ему людей подкладывает. Совсем уже, гад, в подстилку

превратил. Но теперь Людмила решила ему отомстить. Она будет делать только то, что ей самой захочется.

Еще когда она только увидела адвоката из Москвы, то сразу почувствовала к нему непонятное влечение. И было отчего.

Всем давно известно, что выступать в суде против Васильчикова – себе дороже. Потому защищать его кинулись решительно все, и он сам отбирал нужных для судебного процесса адвокатов из областной палаты, причем сидя в камере предварительного заключения. А вот выступать на стороне потерпевших не соглашался решительно никто в городе. Успеха определенно не добьешься, а унижать себя и терять репутацию адвокаты не желали.

Когда стало известно, что прибывший из Москвы адвокат уже не новичок в Новограде и в свое время блестяще выиграл процесс, по сути, против самого губернатора, интерес к нему у Людмилы возрос многократно.

Она думала, что появится этакий пышноволосяй, седой, представительный старец с целой свитой помощников, типа известного Генриха Розанова, которого часто показывают по телевидению, где он толкует те или иные законы. А приехал совсем еще молодой человек, которому и сорока-то не исполнилось, живой, здоровый, полный сил, симпатичный внешне. С таким, что называется, и любовь покрутить, пусть краткую, но зато яркую, сжигающую в страсти, и то бесценное наслаждение. Зная свои несомненные достоинства, Людмила решила за те короткие сроки, что адвокат будет изучать дело, постараться вскружить ему голову.

Но ее тайное желание – хотя что тайного может быть скрыто на лице женщины, начавшей свою извечную охоту? – неожиданно нашло поддержку у судьи. Уж он-то хорошо разбирался в людях – в силу собственной профессии – и знал многое о сильных и слабых сторонах человеческого характера. Люська пришла бы как нельзя кстати для исполнения его планов. Ну а что она пару раз переспит с чужаком, так от этого ее не убудет, еще и другим много останется, поэтому и сожалеть не о чем, работа дороже.

И Людмила, чего он все-таки не ожидал, не высказала протеста, а поначалу приняла требование судьи – охмурить и в буквальном смысле раздеть адвоката перед видеокамерой – хоть и без особого восторга, но, как ему показалось, с пониманием. А теперь вдруг взбрыкнула! С чего бы это?

И тогда Иван Данилович, уже перед тем как запереть свой кабинет, позвонил Журе и сказал тому, чтобы его братва взяла на себя слежку за адвокатом Гордеевым и секретаршей суда Лякиной. Назвал их адреса – Люськин домашний и гордеевской гостиницы – и добавил, что пока они находятся в помещении суда и, скорее всего, задержатся здесь допоздна, а куда потом поедут, ему неизвестно, и стерва Люська не говорит. В заключение он заявил, что у него нет времени устраивать беготню за названными лицами, поскольку лично не имеет подходящих кадров, а поручать судебным приставам такую тонкую работу и вовсе ни к чему. Нет у него морального права – это значило бы все дело завалить в самом начале. Короче, все теперь зависит от того, как ловко сработают ребята Журы, у которого есть специалисты по этой части.

Жура не то чтобы был недоволен поручением, исходившим от районного судьи, он вообще старался всячески подчеркивать свою независимость, хотя это не всегда удавалось. Ну как примерно недавно случилось, когда ему, известному воровскому пахану, черт возьми, вору в законе, пришлось являться на прием к районному судье, чтобы вручить ему взятку! Это Роберт приказал ему отвезти деньги – пятьдесят тысяч баксов – только за то, чтобы судья вынес требуемый вердикт! Охренеть можно! Но Жура повез, причем сам, никому другому – требовал Роберт – это дело перепоручать было нельзя. И привез, и вручил со словами: «По делу Васильчикова». И судья взял их от законника и даже не поморщился, гад. И сказал, что все на суде будет в порядке, подследственный может не волноваться. А теперь, будто ему дана власть над Журавлевым, или Журой, как его называют исключительно свои, он уже и сам при-

казывает, куда надо послать братанов, за кем следить и что им там делать, если чего случится не так. И все это говорится как бы от лица Роберта.

С другой стороны, и с Робертом не поспоришь, он «черную кассу» держит. Его сам губернатор слушается. Вон оно как все переплелось.

Чтобы не затягивать время бесплодными, все более раздражающими размышлениями, Журавлев приказал своим пацанам – Коле Хвату и Жеке Горелому – взять видеокамеру, пару разгонных машин и проследить за указанными лицами, которые сейчас находятся еще в здании райсуда, но скоро могут его покинуть. Словом, на пальцах объяснил задачу: лбы не крушить – а то эти могли, – но глаз не спускать. А когда у тех начнется кайф, все аккуратно зафиксировать для истории и сохранить. Задание более чем простое.

Но это только казалось, что все просто. Сторож, которого Хват спросил, есть ли в здании суда еще кто-нибудь, ответил, что двое последних, секретарша суда и приезжий адвокат, недавно уехали. А больше там нет никого.

Пацаны разделились: один поехал в гостиницу, где остановился адвокат, а второй направился к дому Лякиной. Но ни там, ни в гостинице их сегодняшних «клиентов» не оказалось. Хват с Горелым перезвонились и стали ждать, что называется, у моря погоды.

А вечерняя встреча между тем была бурной.

Гордеев с Людмилой договорились смотаться сразу, как только уйдет Самохвалов. Первой сбежала она. Хоть вечер и был очень теплым, Люська на всякий случай захватила с вешалки свой длинный плащ, да в нем и вид у нее был не таким вызывающим. Сторож не обратил на Людмилу внимания. А вот уходящего Гордеева спросил:

– А Иван Данилович говорил, что вы допоздна задержитесь?

– Я тоже так думал, но управился с делами быстро. Так что вот вам ключик от кабинета, до завтра.

Сторож пожал плечами и повесил ключ на гвоздик в специальном ящике.

Юрий, естественно, запер все материалы дела в сейф, но собственные выписки и записи сложил в папку, которую забрал с собой. Так что если бы нашелся желающий заглянуть в его бумаги и узнать, о чем думает и чем дышит московский адвокат, того любопытного ожидал бы конфуз. А в том, что так случится, Гордеев был просто уверен – впервой, что ли? Ясно было и зачем это делается.

Ну вот, предположим, обнаружили некие неизвестные типы материалы, подготовленные адвокатом к своей работе. Они их просто изымают, зная, что на их восстановление потребуется время, с которым у адвоката уже туго. А если он окажется беспечным и еще раз каким-то образом подвергнется подобной процедуре, то, считай, его участие в суде второй инстанции можно считать сорванным окончательно. Да и вообще, есть масса всяких вариантов насильственного вывода адвоката из дела, стоит только захотеть. Так что надо быть предельно осторожным.

Эту фразу Юрий произнес почти вслух, словно передавая наказ самому себе. Вот сказал и... успокоился. Ибо, веря в свою осторожность и находчивость, он не боялся рисковать иной раз и совершать неожиданные поступки. Ведь чем непредсказуемее поведение адвоката, тем сложнее с ним бороться.

Девушка, как договорились, должна была ожидать его у входа в магазин, наискосок от здания райсуда. Юрий Петрович внимательно огляделся и, не заметив ничего подозрительного, сел за руль серого «форда» и поехал, но в совершенно противоположную сторону. Так он проверил, не едет ли кто за ним. Никого не было. Тогда он сделал круг по всему кварталу и скоро оказался у входа в гастроном. Люську он увидел сразу. Притормозил, открыл дверцу, а когда она ловко юркнула в машину, сразу прибавил скорости.

Пока ехали по центральной улице, Гордеев все время посматривал в зеркальце заднего обзора – он уже умел отличать обычных водителей от тех, кто вел за ним наблюдение. Но

последних не оказалось, значит, они успели убежать раньше, чем те приехали к зданию райсуда. А в том, что они должны были там появиться, он не сомневался, да и Люська ему об этом сказала.

Она вообще была довольно откровенна с ним. Называла вещи своими именами, и ничем не сдерживаемая речь ее изобиловала грубоватыми словечками и оборотами, так характерными для жителей таких вот среднерусских городов, расположенных между более-менее чинным Севером и горячим, взбалмошным югом России. Она же и сказала ему, еще там, в суде, что Ванька – так Людмила уничижительно именovala своего шефа – очень хочет скомпрометировать его, Гордеева, открытой связью с секретаршей суда, то есть с ней. И готов даже послать по их следам наблюдателей с видеокамерой, чтоб потом опорочить московского адвоката.

Факт сам по себе был весьма красноречив. И кто другой из осторожности немедленно прекратил бы с Люской любые контакты. Но Юрий, уже загоровшийся идеей подержать в собственных руках ее прелести, плевать хотел на судью. Наоборот, такая постановка вопроса придавала бы их свиданию еще большую остроту. А потом, черт возьми, чем он рискует, в конце концов? Он – свободный человек, имеет право делать что угодно – в рамках приличия, разумеется. И с кем он спит, это тоже его личное дело. А что говорить будут? Его это не волновало. Если всему сказанному кем-то верить, можно сойти с ума. Ну и пусть этими гнусными наветами занимается тот, кто хочет. Ведь если надо пустить сплетню, повода не ищут. Сначала обгадят с ног до головы, а потом предложат отмываться самому.

Так что здесь у Гордеева соединились воедино и упрямство, и злость, и презрение к тому же Ваньке, которому хорошо, наверное, подошло бы прозвище Каин, и, наконец, острое желание показать им всем фигу. А Люська, сидевшая рядом с ним сейчас, умопомрачительно точно подходила для этой по-своему даже возвышенной цели...

– Куда поедет? – спросил он. – Я, к сожалению, окрестностей ваших не знаю.

– В посадки, – безапелляционно заявила она и стала рассказывать, как там будет хорошо.

Это были посаженные еще в середине прошлого века лесозащитные полосы между пахотными полями, которые разрослись и даже стали излюбленными местами, где встречались молодые парочки. Здесь были уже и свои подъезды, и укромные полянки, где удобно маскировать автомобили, и даже небольшие кострища, на которых отдыхающие жарили себе шашлыки. Сегодня день был будний, и наезда «гостей» не ожидалось, обычно это случалось по выходным дням, так что по поводу помех можно было не особо беспокоиться. Ну а потом, в городе как-то не принято мешать отдыхать другим, и если ты, скажем, приезжаешь на свое излюбленное место, а оно уже занято целующейся в засос парочкой, то, как истый джентльмен, обязан найти себе другое место. И все это Люська рассказывала, пока они ехали за город, а затем по шоссе отправились на юг, недалеко, километров всего на десять – пятнадцать. Заодно можно было лишний раз проверить – преследователей не было, ехали обыкновенные машины, каждая по своим делам.

Было еще светло, темнеть станет лишь после десяти вечера, так что и торопиться им было некуда, никто никуда не спешил, а, напротив, московский гость все более накалялся в ожидании волнующей перспективы. В том, что она действительно будет чрезвычайно волнующей, они не сомневались, недаром же Люська изъерзалась на сиденье, мешая Юрию внимательно смотреть на дорогу.

Место, которое она выбрала, было действительно восхитительным – и главное, никого не оказалось поблизости. Юрий подумал, что она здесь явно не впервые, но ревнивые мысли немедленно заслонило желание, с которым Людмила принялась опускать сиденья в машине, поверх которых она расстелила свой плащ, бесхитростно заявив, что беспокоиться не надо, она потом постирает его. Затем она легко освободилась от нехитрой своей одежды, помогла то же самое сделать ему, и они, словно уже раскаленные долгим ожиданием, кинулись в объятия друг к другу. Уже в полной темноте они наконец немного устали. С ее губ легкими мотыльками

слетали восторженные и грубоватые слова, обозначающие ее внутренние ощущения, а Юрий совершенно уже потерял голову, весь отдавшись безумству этой безудержной страсти. Только раз он осознал себя, с трудом сообразил, где находится и что с ним происходит.

Настал момент, и они наконец отстранились друг от друга – мокрые и горячие. Легкий ветерок приятно охлаждал кожу.

– Ванька – дурак, – заметила Людмила. – Это ведь он меня заставил, а теперь небось жалеет. Так ему и надо...

– А ты тоже жалеешь? – без удивления спросил Гордеев.

– Я-а-а?! Да ты с ума сошел. Я только и думала, как бы тебе половчей отдаться.

– Ты потрясающе откровенная, – засмеялся Юрий.

– Слушай, Юр, а ведь был момент, я уже приготовилась там, в твоём кабинете, когда мы были одни... Ты так посмотрел, что у меня в трусах мокро стало, ха-ха! Ну, думаю, сумасшедший мужик. Глаза были такие ненормальные, когда ты меня всю осмотрел – я ж видела! Ну, думаю, сейчас как вскочит, как ухватит за бока, да так навалится, и я заору на всю контору! А Ванька прибежит и от зависти сдохнет, когда нас увидит. Но ты – ничего, молодец, мне с тобой хорошо, давно так не было...

– И часто ты с ним... того? – Юрий почувствовал, что в нём возникает непонятная ревность к здоровенному Ваньке-Каину, как он уже твердо решил про себя называть судью.

– Ох, да кто с ним не был? Все наши молодые судейские бабы через него прошли. Это у нас как прописка, обязательный акт, а то сживет со свету, он такой... злобный и придирчивый... Подлый, в общем.

– И никто ему ни разу не отказал? – удивился Юрий.

– Одна сдуру отказала, не захотела, так где она теперь?

– И где же?

– На том свете, – равнодушно ответила Люська и повернулась к Юрию всем телом. – Чего-то мы разболтались, а про дело забыли. Иди сюда. – И проворные ее пальцы заскользили-побежали по его груди, животу...

– Куда ты так торопишься? У нас вся ночь впереди.

– Не знаю, как ночь, а раз ты хочешь сделать остановку, я бы тогда чего-нибудь пожевала, ты как?

– Не сообразил.

– Ну молодец, ну кавалер! Да что б ты делал, кабы не я? Есть у меня в сумке – и пожевать, и запить, я ж недаром у магазина тебе встречу назначила.

Через минуту они, белея в темноте обнаженными телами, с аппетитом уминали бутерброды с вареной колбасой и запивали из пластиковой бутылки детским сладким напитком «Буратино». За неимением иных разносолов, с удовольствием обошлись и тем, что имелось у предусмотрительной Людмилы в сумке.

– Так за что ж он ее? – вернулся к интересующей его теме Юрий.

– Ты про кого?

– Ну про ту девушку, что оставила наш бранный свет. Кстати, как же это случилось?

– Да просто убил он ее. Может, и случайно, у него же звериная силища и удержу никого... А списали на несчастный случай. Даже и не производственная травма, а так, сама виновата. Поскользнулась, упала, ударилась.

– Ага, упал, очнулся – гипс.

– Ну вроде того.

Таким вот образом Гордеев узнал о трагической истории с Леной Нестеровой. Людмила рассказала бесхитростно про то, что знала. А знала она о подноготной этого события со слов самого судьи, который по неосторожности пришиб девушку за то, что та подсматривала за ними и попыталась даже его шантажировать. Возможно, именно последнее и сыграло решаю-

щую роль в отношении Людмилы к трагическому событию – ей было не жалко дуры-шантажистки, но ее пример постоянно как бы находился перед глазами, напоминая, что артачиться перед Ванькой Самохваловым можно лишь до поры до времени. А потом он звереет и становится непредсказуемым. Ему-то ничего, как показала история с Нестеровой, его дружки отмазали. Они – его, а теперь он – их.

Да, но тогда за что же тот бандит Жура Ваньке огромные деньги платил? Впервые задумалась об этом факте Люська и тут же с простотой наивной провинциалки рассказала Юрию новую историю – про взятку в пятьдесят тысяч долларов, свидетелем вручения которой она оказалась. Вручал-то пакет Жура при ней, а вот пересчитывать деньги из этого пакета Ванька стал позже, когда уже закончился рабочий день. Нет, ничего не понятно, странные у них отношения.

– А может, не все деньги полагались ему? Может, большую часть надо было передать выше – по начальству? – предположил Гордеев. – Тем более что, как я посмотрю, нет тут у вас никакого независимого суда, а есть великолепный пример насмешки над подлинным судом-производством.

– А черт их всех знает, – сердито ответила Людмила. – Да и что-то ты больно мудрено выражаешься... Насмешка! Ха! Ну и чего мы обо всякой дряни говорим? Только зря дорогое время тратим!

– Ты дожуй сначала, – рассмеялся Юрий.

Рассмеялась и она, после чего они стряхнули с плаща крошки и снова занялись делом.

Луны не было, и свидетелей их тайного свидания – тоже, что давало им несомненные преимущества перед тем, как если бы они решились заняться сексом в каком-нибудь закрытом помещении, в городе. Люська получала искреннее наслаждение назло им всем – Ваньке и прочим его приятелям, а Юрий, не испытывая мстительных чувств по отношению к кому бы то ни было, в очередной раз утверждал себя, почти по-мальчишески радуясь забавному приключению. И никто даже не догадывался о том, во что им может обойтись подобная самостоятельность...

Глава третья

Надоедливые преследователи

1

Гордеев привез Людмилу к ее дому на рассвете. Ночь так и прошла в сплошном напряжении, что, однако, как он наблюдал, почти не сказалось на ней – просто неутомимая девушка. Разве что глаза выдавали – припухли, как с похмелья. А вот он чувствовал, что здорово измотался – хоть летняя ночь и недолгая, но когда она бессонная и при этом перенасыщена эмоциями – это уже не самое простое испытание для мужчины его возраста. Тем более если он уже привык в своем холостяцком существовании соблюдать некий режим для себя. Но... чего не сделаешь, когда вдруг подвернется подобный, можно сказать, исключительный случай! И Юрий не мучился никакими сомнениями, что поступил так, как подсказывал ему случай, то есть плыл по течению, поглядывая, куда оно его вынесет. Пока утро начиналось без каких-либо подозрительных эксцессов.

Возле ее дома чужих машин с наблюдателями не оказалось, во всяком случае, они не увидели посторонних, затаившихся в ожидании в столь ранний час, но Людмила, проявив все же осторожность, заскочила в подъезд, прячась за кустарником, росшим возле окон. И потом мигнула ему включенным светом на кухне – на миг, чтоб он удостоверился, что все у нее в порядке, и спокойно отправлялся к себе.

В гостинице тоже никто не обратил внимания на его слишком раннее возвращение в номер. Только дежурная поднялась в холле этажа с дивана, на котором спала ночью, загадочно улыбнулась и потянулась, сладко зевнув и предъявив словно бы невзначай пышные свои тела, сверкнувшие между полами распахнувшегося халатика, под которым на ней была лишь короткая рубашка. Затем, продолжая в упор и как-то уж очень откровенно рассматривать его, она придержала рукой полу халата, прошлепала к столу и подала Юрию ключ от его номера. И снова уставилась заинтересованно, будто обладала какой-то тайной. Но Гордеев не спрашивал, и тогда она сказала наконец сама:

– А где ж это вы были всю-то ночь? Вас тут спрашивали, интересовались, приходили. Причем не один раз. Они поднимались сюда, ко мне, но не верили, будто вас нет, и стучали к вам в номер. Очень огорчились.

– Кто и зачем приходил? – сухо поинтересовался Юрий. – Они мне записку оставили?

– Нет, наверное, куда-то пригласить хотели. Они сказали, что ждут вас в ресторане. У нас здесь хорошая кухня. И чтоб вы как придете, так сразу к ним и спустились.

– Вы и это знаете? – усмехнулся он. – А зачем? Они вам об этом тоже сказали?

– Ну об этом не говорили, но какая ж тут тайна? Поужинать в ихней компании, наверное.

– Вам и про компанию известно? Кто там был конкретно? – и подумал, что, возможно, это те, которые его уже «предупреждали». Или это представители ответчика, которые хотели о чем-то договориться? Вполне вероятен и такой вариант. Значит, огорчились? Ну что ж, то ли еще будет. – А что это за компания?

Горничная пожала плечами и развела руки в стороны.

– Не знаю, этого они мне не сказали. Но вас видеть очень хотели. Они ведь несколько раз поднимались. Молодые такие, симпатичные. Двое их было.

Халатик ее при этом снова заманчиво распахнулся, но она словно не замечала этого.

«Нет, ну уж это слишком, – решил Гордеев. – Чего это они тут такие озабоченные?»

И он оказался недалек от истины. Горничная взглянула на часы, которые не снимала с руки, и сказала, что сейчас четверть шестого, а первого жильца ей надо будет разбудить ровно в шесть, поэтому у нее имеются в запасе ровно полчаса, и, если Юрию Петровичу будет угодно, она с удовольствием проделает ему утренний массаж. И дорого она не возьмет, он может заплатить столько, сколько сам сочтет возможным для себя. Но в принципе, если ему понравится, она сможет и задержаться, поскольку ее смена кончается в восемь утра.

Предложение было настолько откровенным, что Гордеев смутился. А она смотрела на него, как кошка на аппетитную мышь, которая уже точно не сбежит, не скроется в норке. Шагнула к нему, глядя вопросительно и одновременно поощряюще. Пола халата опять предательски поползла в сторону, обнажая полную ногу.

– Благодарю покорно, – с чувством облегчения сказал наконец Юрий. – Но я очень устал, всю ночь работал с важными документами. Может быть, как-нибудь в следующий раз?

Ну в следующий так в следующий. Она так и сказала. Добавила, что ее зовут Таней, работает она тут через двое суток на третьи. Так что теперь он увидит ее только в ближайший четверг. Но если у него появится нужда освободиться от лишних эмоций. – «Ишь ты, как нынче стали выражаться провинциальные горничные в гостиницах!», – подумал Гордеев, – то она может оставить ему свой домашний номер телефона, и, когда он позвонит, она подъедет сюда, чтобы провести с ним сеанс прямо у него в номере. И никто им мешать не станет.

– Я смотрю, сервис тут у вас, однако! – усмехнулся он.

– А как же! – многозначительно подмигнула она ему. – Город хоть и областной, да маленький, работы мало, все мы на виду друг у друга. Вот и приходится искать дополнительные источники дохода.

Такая «политинформация» была сейчас ему в самый раз. Кивнув, он ушел к себе, словно бы забыв про номер ее телефона. Его другое заботило – кто им интересовался? Но, войдя в номер, он сразу это понял.

То, что и тут уже рылись в его вещах, было видно. Да «посетители», вероятно, и не скрывали своих намерений. Чемодан на стойке стоял открытый, хотя Юрий прекрасно помнил, что, уходя, закрыл его. Рубашки в шкафу лежали не в том порядке, в котором он их оставил: снизу – темные, сверху – белые, согласно его холостяцким твердым привычкам. Они валялись небрежно, впережку. Ну уж здесь-то что им надо было? Наконец, сумка, в которую он обычно клал несколько нетолстых книжонок, чтобы почитать, когда замучит бессонница от обилия мыслей, стояла также распахнутой, будто в ней беззастенчиво копались.

Может быть, они хотели вызвать его на конфликт? Чтобы он отправился в администрацию гостиницы и заявил, что в его вещах рылись посторонние? А там он, естественно, немедленно получит жесткую и суровую отповедь, его обвинят во лжи, после чего он будет вынужден покинуть эту «отвратительную гостиницу»? А в другой гостинице, куда он переедет, повторится та же история, и снова возникнет публичный скандал. А потом по городу вмиг разлетятся слухи о привередливом и лживом адвокате, приехавшем из Москвы, и с таким клеймом на какую же свою репутацию он надеется? Слишком все это у них прозрачно и пошло, чтобы обращать серьезное внимание и волноваться.

Дело в другом: если уж они твердо взялись за него, то не отстанут, поэтому надо быть осторожнее. Ну а сегодняшнее ночное происшествие можно считать исключением из правил. Во-первых, Людмиле почему-то хотелось верить – каким бы уникальным по-своему артистизмом она ни обладала, сыграть то, что произошло сегодня ночью в лесополосе, вряд ли кто-нибудь способен. Так поступают только искренне. А во-вторых, он также твердо полагал, что продолжения не будет. Ну а если, то...

Спать уже перехотелось, и Юрий решил, чтобы не терять зря времени, отправиться в райсуд и поработать, пока там нет никого постороннего. До десяти утра, когда появятся сотрудники, можно многое успеть.

Но, возвращая ключ горничной, уже окончательно проснувшейся и облачившейся в свою тесную униформу с белым отложным воротничком и манжетами, он не преминул поинтересоваться – словно по забывчивости:

– Так вы не знаете, Таня, вчерашних посетителей?

– Н-нет, – секунду помедлив, ответила она.

«Да знает, конечно».

– А чего они у меня в номере делали?

– У вас? Да там никого не было. – Она вспыхнула, будто ее заподозрили в краже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.